

ДЕЛАТАРДИ

ЭЛИЗАБЕТ КЕНЗИ

18+

Элизабет Кензи
Делагарди

«Автор»

2026

Кензи Э.

Делагарди / Э. Кензи — «Автор», 2026

После смерти матери единственная зацепка ведёт Мирну Эванз в Гримфорд – таинственный городок, над крышами которого возвышается замок клана Делагарди. Здесь всё пропитано опасностью. И главная из них – Арден Делагарди. Тот, от чьих прикосновений темнеет в глазах. Тот, кто знает о Мирне больше, чем говорит. Таинственный город не отпускает, стены старого замка ревностно хранят ответы, а сама Мирна оказывается в центре тайны, от которой когда-то стремительно бежала её мать. И главный вопрос: как выбраться из ловушки, в которую она вошла добровольно? Гримфорд ждал её. И теперь не отпустит.

© Кензи Э., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ПРОЛОГ	5
Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	16
Глава 4	22
Глава 5	29
Глава 6	36
Глава 7	39
Глава 8	45
Глава 9	50
Глава 10	57
Глава 11	62
Глава 12	67
Г	72
Конец ознакомительного фрагмента.	73

Делагарди

ПРОЛОГ

Мир не хотел, чтобы я делала этот шаг.

Его сопротивление физически отдавалось вибрацией в голове. Воздух передо мной сгустился, в ушах нарастал шум, от которого заныли десны. Так гудит линия электропередач под предельной нагрузкой.

— Нет! — крик разбился о мою спину. Я знала, чей он, но запретила себе оборачиваться. Если я посмотрю на них, вся моя уверенность испарится, а ноги прирастут к земле.

Я посмотрела на ладони. Их контуры поплыли, затягиваясь мраком.

Меня не вписали в систему, которую они называли Балансом. Значит, пришло время ее изменить.

Под ногой хрустнула реальность. По земле расползлись черные трещины — как тогда, в нашу первую поездку на озеро. Только теперь из них тянуло холодом. Тени от деревьев дернулись и поползли к свету.

Я вдохнула. И нос пробил кислый запах перегретого аккумулятора.

— Простите, — прошептала я, хотя знала, что никто не услышит.

И шагнула вперед.

Мир вокруг меня разбился.

Глава 1

— Все дело в прологах. Они заставляют двигаться дальше.

Темы для глупых монологов иссякали, и я в свободные от работы часы просто сидела напротив маминой постели в ожидании, когда она проснется.

Комната тонула в полумраке безысходности. На кровати, окруженная тяжелыми складками простыней, лежала она. Ее грудная клетка резко вздымалась под прессом аппарата ИВЛ, пищание датчики ритмично отсчитывали удары сердца, и только это свидетельствовало, что она жива.

— У меня к тебе столько вопросов, мама, — слова повисли в тишине.

Дверь отворилась. В палату вошел доктор Морган.

— Здравствуйте, Мирна. К сожалению, состояние вашей матери ухудшилось, — он сделал короткую паузу. — За последние сутки активность мозга снизилась...

Это нечестно... Чертовски нечестно. Я ведь только-только получила возможность хотя бы сидеть рядом с ней. Пусть она в коме, и мы не знакомы, но она была здесь. Я убеждала себя, что у нас еще есть время. Что однажды она проснется, и я получу хоть какое-то объяснение ее поступку. Но, видимо, нет. Видимо уже никогда не узнаю, почему она вообще родила меня, если я ей не нужна.

Глупо было надеяться на хэппи-энд.

— Она умирает? — прямо спросила я.

— Острая почечная недостаточность — серьезный диагноз, и, поверьте, мы делаем все, что в наших силах, но мисс Ферал уже долгое время в вегетативном состоянии, ее организм постепенно истощается.

Все к этому шло. Мои визиты были лишь долгой прелюдией к этому моменту. Врач объявлял приговор будничным, уставшим голосом. Текст он знал наизусть — наверняка проговаривал его по пять раз на дню, меняя только фамилии.

— Пора прощаться с ней?

Доктор облизал пересохшие губы.

— Трудно сказать точно, но состояние критическое. Мы делаем все возможное: контролируем давление, уровень кислорода в крови. Но мы также можем обсудить паллиативную помощь, — мягко напомнил он.

Я пожала плечами:

— Не знаю.

— Я понимаю вашу боль. Если у вас есть вопросы или вам нужна поддержка, наша команда психологов готова помочь, — несмотря на деликатность слов, я ощущала холод в его тоне.

— Нет, — отрезала я и встала.

Хотела на прощание поцеловать маму в лоб, но почувствовала неловкость. Слишком чуждо, неуместно.

— Прошу, подождите, — доктор Морган вышел вслед за мной в коридор. — Я бы очень хотел сказать, что всё наладится, но не стану вам лгать. Понимаю, это тяжело слышать, но сейчас наша главная задача — обеспечить вашей матери должный уход и покой. Мы можем обсудить это в другой раз, — он положил мне руку на плечо и понимающе кивнул.

— До свидания, доктор, — развернувшись, я сбросила его ладонь и прошла по коридору к выходу.

Во мне было слишком много огня для прощания. Не выдержав напора эмоций, я набрала Дакоту:

— Алло? — отозвалась она.

— Он предложил отключить аппараты, — сразу начала я.

— О боги, вот козел. — Я слышала, как подруга судорожно вздохнула, но промолчала. Возможно, она искала формулу утешения, но ее не существовало. Я и сама не знала, чего хочу: жалости или покоя.

— Ты дома? — спросила я, меняя тему.

— Да, Мир, приезжай скорее, расскажешь, — ее голос звучал ломко.

Запах больничного коридора все еще стоял в ноздрях до самого дома — или места, которое приходилось так называть.

Дакота встретила меня в шелковой пижаме. В новой, черт возьми, пижаме. И я насупила брови, заготовив колкую фразу.

— Тише, тише, — начала она, — знаю, смотрится шикарно.

— Счета! — войдя в квартиру, я кинула стопку на полку для обуви.

— Не начинай, я уволилась, но уже ищу новую работу...

— Нет! — Я прикусила губу, глотая лишние слова. — Это нечестно, слышишь? Я отдаю все. Последние деньги, время... Я просто выжата.

— Терять родителей больно, я-то знаю...

Я закатила глаза.

— Я узнала о матери год назад. Не думаю, что мне так уж больно.

— Это же твоя мама. — Дакота села рядом.

— Это все неважно, мне завтра на работу, — я скинула бежевую куртку и повернула на кухню. — Иначе Стивен разбогатеет за счет моих прогулов.

Дакота захихикала.

— Во всяком случае, можно продлить время оплаты, так как звонил хозяин и сказал, что из Парижа возвращается его дочь и нам в течение месяца нужно съехать.

— Замечательно! — фыркнула я, обернувшись. — Только этого нам не хватало.

— Поживем у Лоя? — предложила Дакота.

— На новое жилье все равно нет денег, — заключила я.

— Ну да... — протянула подруга и напомнила: — Такое дешевое еще попробуй найти.

Дакота покинула квартиру в половине девятого вечера в темном коктейльном облегающем платье. Ткань подчеркивала изгибы, крича о ее женственности. Дакота всегда умела вызывать интерес одним лишь нарядом.

Сменив просторные джинсы и пуловер на более мешковатую флисовую пижаму, я легла в кровать. Пролистывая ленту социальной сети, я наткнулась на историю Дакоты с ее званого ужина и вновь задумалась о том, как судьба смогла свести двух таких разных людей.

Дома я рассыпалась. Стены давили. Каждый вечер засыпала с мыслями о смерти матери. Зачем она оставила мой номер первым в списке контактов? Это выглядело как последнее издевательство. Каждое утро я тащила себя в палату к чужой женщине, чтобы посмотреть, как она угасает. В горле першило от невысказанных вопросов. Но еще тошнотворнее было от мысли, что она умрет. Ведь даже такая, чужая и далекая, она — мой последний реальный родственник.

Дверь в комнату отворилась, и едва слышными шагами зашла Дакота.

— Я оплачу счета, и мы обязательно выберемся, — прошептала она мне на ухо и легла рядом.

Я хмыкнула.

За окном шумел ветер, хотя ночь была теплой, ведь близилось лето. Воздух был наполнен ароматом свежей хвои, который прокрадывался в комнату через приоткрытое окно. Мерцаю-

щие огни города проникали сквозь шторы, напоминая о бурлящей жизни вокруг. И эти огни вкупе со словами Дакоты утихомирили во мне поток черных мыслей.

Ветер усилился, и ветка дерева постучала в стекло, привлекая мое внимание. Я вздрогнула от внезапного понимания, что единственной моей силой является Дакота.

Приобняла ее и закрыла глаза, позволив ночи убаюкать нас.

Утром в спешке я натянула заготовленную с вечера одежду и, пока Дакота спала, отвернувшись к стене, выскользнула за дверь, стараясь не звякнуть ключами.

Стивен ждал у подъезда. В золотых лучах утреннего солнца его глаза переливались бирюзой, превращаясь в два океана голубого света. Волосы на солнце отливали медом и янтарем, играя бликами при каждом повороте головы. Я улыбнулась мысли о том, что выглядит он как с обложки журнала.

Всю дорогу мы шли под звуки проезжающих машин и открывающихся магазинов, лишь изредка перекидываясь парочкой фраз.

— Мирна, тебе реально нужно с кем-то поговорить, — увещевал он. — Не со мной, так с профи. Ты же себя загоняешь.

— Только если ты платишь, — я шла бок о бок с ним.

— Я серьезно, Мирна.

Он повернулся ко мне.

— Я тоже. У меня бюджет расписан до цента, и графы «лечение души» там нет.

— Можем выпить кофе после работы, и ты мне изольешь душу.

— Мне бы ноги дотянуть до дома, — жаловалась я.

Небольшое кафе «Пряник», спрятанное на перекресте переулков, встретило меня табличкой «закрыто». Сквозь витрину я увидела Оливию: она порхала между столиками, поправляя салфетки. Я поздоровалась.

— Что-то вы сегодня поздно, — заметила Оливия и поправила кудрявые локоны.

— В воскресенье не хочется просыпаться на работу, — отметил Стивен.

Он занял место за стойкой. А я принялась убирать деревянные полки, украшенные черно-белыми фотографиями, дослушивая историю Оливии о поездке на ранчо с ее бабушкой. Включила музыку — тихий джаз наполнил кофейню, добавляя уюта.

День шел своим чередом. Я приняла заказ у девушки в сером пальто — обычный капучино с корицей. Машинально взбивая молоко, я смотрела, как глянцевая белая жидкость закручивается в воронку. Внезапно пена застыла. Пузырьки перестали лопаться, а молоко в питчере сложилось в четкий, геометрически неправильный узор — ломаную спираль, перечеркнутую двумя линиями. Это было похоже на трещину в фарфоре.

Меня обдало странным холодом, хотя пар от кофемашины бил в лицо. В ушах на мгновение возник высокий писк. Я моргнула, тряхнула головой — и узор распался, превратившись в обычную молочную пенку.

Что за черт? Я огляделась, проверяя, заметил ли кто-то то же, что и я. Никто в мою сторону не смотрел: столы, расставленные вдоль стен и у окон, сегодня, на удивление, были заняты: кто-то читал книгу, а кто-то тихо разговаривал.

— Ваш заказ, — подошел ко мне Стивен с чашкой лавандового рафа.

— Оу, эксклюзивный кофе дня, веет богатством, — ерничала я.

— Знаю, что ты любишь наши новинки, — подмигнул он.

Мне нравился Стивен, его улыбка покорила меня еще в первый день знакомства. Может, это и не великая любовь из фильмов, но меня к нему тянуло. Особенно когда он вот так улы-

бался — тепло, по-домашнему, без задней мысли. Рядом с ним я чувствовала себя... нормальной.

Губы растянулись в улыбке. Стивен, заметив это, молча хлопнул глазами и тут же нырнул за барную стойку. Я вновь взглянула на пену в чашке, которая к этому времени уже немного осела, обнажая темную жидкость. Никаких спиралей, никаких знаков. Я набрала в грудь воздуха и на счет три медленно выдохнула. Только бы не признак шизофрении.

Воскресенье обещало быть замечательным. Я спланировала каждый шаг: после работы зайду к маме, отвечу врачу, что буду ждать ее пробуждения, ведь мне когда-нибудь нужно получить ответы на нескончаемые вопросы, и кто, как не она, даст мне их.

В кармане зазвонил телефон, и я ответила автоматически, не глядя на номер:

— Здравствуйте, мисс Эванз. Это доктор Морган, — голос в динамике был спокойным и твердым.

Ладонь на телефоне вспотела.

— Что-то случилось?

— Нам нужно поговорить, если есть время, приезжайте сейчас. Мы все обсудим, когда вы приедете.

В голове заметались тысячи мыслей, одна невыносимее другой.

Стивен замер. Стаканчик в его руке так и завис на полпути к стойке, он смотрел на меня не моргая.

— Что случилось? — испугался он.

— Врач просит приехать, — я боялась, что голос дрогнет, но ответила холодно.

— Езжай скорее, чего ты стоишь? Давай я с тобой поеду! — заметался Стивен.

— Нет, я съезжу как обычно, позже.

— Что? — Стивен остановился в недоумении. — Тебе нужно быть там, может, есть новости хорошие?

— Стив, — повернулась я, — если я поеду сейчас, это будет значить, что случилось что-то страшное. А пока я здесь варю кофе — ничего не случилось. Понимаешь?

Ни страха, ни боли — только мертвое спокойствие. По спине пробежал холодок, заставив поежиться, но ума не приложу, откуда он взялся. Тело реагировало само, пока разум пытался нащупать хоть какую-то эмоцию.

— Тебе все равно придется узнать, — настаивал Стивен.

— Мне нужно работать, — увернулась я.

Все мои планы были разрушены.

Добавляя происходящему абсурда, свет забился в конвульсиях, превращая уютный зал в дешевый стробоскоп. Лампы над головой бешено замигали, погружая кафе в полумрак. Гул кофемашины резко стих. Я направилась в подсобку, чтобы проверить пробки. Но как только я спустилась по лестнице в подвал, свет окончательно потух и я погрузилась в полную темноту. Кто-то сжал мою руку, и я обернулась, хватая пустоту. Кожу обожгло ледяным прикосновением, и волосы на руках встали дыбом.

— Кто здесь?

Свет вспыхнул так же резко, как и погас, ударив по глазам. Рядом — никого чужого.

— Мирна? — Стивен смотрел на меня широко раскрытыми глазами, стоя у входа в подсобку, до которой я так и не дошла. — Ты чего побледнела? Просто пробки выбило, старая проводка.

Колени перестали дрожать.

— Да...

Я коснулась руки — кожа была ледяной, словно к ней только что прижимали кусок льда.

Глава 2

Подруга примчалась через пятнадцать минут. Ее русые волосы были растрепаны. Блузка застегнута не на ту пуговицу, а на брюках белые полосы.

Я рассмеялась.

— Откуда ты ко мне приехала?

Дакота смутилась.

— Вляпалась в краску, забудь.

Шаг за шагом приближаясь к кабинету доктора, который таил для меня самую важную на сегодняшний день новость, я слышала глухое эхо в голове, которое отдавало пульсом в висках.

Год маминой комы заставил меня замереть на краю. Подростком я смирилась с ее отсутствием, но она вернулась, чтобы лежать овощем и мучить меня надеждой. А теперь уходила и она.

Дакота взяла меня за руку:

— Как ты?

Как я? Не знаю.

— Я нормально.

Дакоте ответы были не нужны. За годы дружбы она выучила меня наизусть, и ей не нужны были слова. Она и так прекрасно видела правду по моим бегающим глазам и тому, как я теребила край рукава.

Мы остановились перед дверью. Хотелось повернуть назад. Но вместо этого я тихо, едва слышно, постучала. Серые глаза доктора Моргана указали мне на стул, но я покачала головой.

— Нам очень жаль, — начал он. — Сердце Зои сегодня остановилось.

Все казалось далеким, будто речь шла не о маме, а о ком-то, кого я никогда не знала. Хотя так оно и было.

Дакота ахнула и приложила руку к груди.

— Ей было больно? — спросила я, как будто это имело значение.

Врач поднял на меня взгляд поверх очков, и в его глазах на секунду мелькнула растерянность.

— Думаю, нет. Вы можете проститься с ней. Она еще в палате.

Воздух кончился, но боли не было. Я онемела. Она еще здесь. Было бы легче не видеть ее в последний раз, ведь именно такой она мне и запомнится.

Она лежала на кровати, такая же, как и вчера, разве только лицо казалось более синим и бледным. Со стороны могло показаться, что она просто спит. Вот только теперь — навсегда.

Я подошла к ней, стараясь не шуметь. Абсурд. Как будто я могла ее разбудить. Наклонившись, слегка коснулась руки. Холодная.

— Прощай, — мягко прошептала я.

Слезы должны были хлынуть, и я точно не стала бы их сдерживать, но они застряли где-то далеко. Глаза, наоборот, пересохли и песком резали роговицу.

«Люблю тебя» я так и не произнесла.

Вышла из палаты, оставив ее там одну, в полном покое.

В коридоре ждал доктор Морган. В руках он держал плотный бумажный пакет, перетянутый резинкой.

— Это личные вещи, которые были при ней при поступлении, — сказал он, протягивая мне сверток.

Я взяла пакет. Он был легким. Сквозь бумагу прощупывались мягкие вещи: брюки, футболка, бюстгальтер. Я прикоснулась к сложенным вдвое штанам, и по руке пробежал слабый разряд. Я едва не выронила пакет, но вовремя сжала пальцы.

— Спасибо.

— Ты можешь плакать, это нормально, — успокаивала меня Дакота по дороге к выходу. Я не хотела плакать. Голова была занята мыслями об организации похорон.

— Думаю, лучше кремировать ее, — предложила я.

— Своих родителей я похоронила на общем кладбище, тебе необязательно кремировать, — напомнила Дакота.

— Знаю, но я хочу.

— Тебе сказали адрес?

Я шла рядом с Дакотой к автобусной остановке, настолько близко, что тепло ее плеч согревало.

— Да, это недалеко отсюда, в часе езды. Но ключей от дома нет. Может, просто развею в том районе.

— Тогда возьмем Стивена или Лоя и рванем туда.

— Лой? Он же еще не вернулся, — удивилась я, и легкая улыбка тронула мои губы.

— Мы позвоним, и я уверена, он не откажется, — Дакота пожала плечами.

Я кивнула, и узел в груди немного ослаб.

Мы дошли до остановки, и холодный ветер, лизнувший кожу, заставил поежиться. Но даже он не мог выветрить преследовавший меня запах больницы. Дакота, как будто почувствовав это, придвинулась ближе.

А потом она и вовсе обняла меня.

— Твоя мама, даже будь она в сто раз хуже, чем есть, все равно желала бы тебе хорошей жизни. А еще...

— Может, мы найдем хоть какие-нибудь ответы в ее доме, — перебила я.

Автобус подъехал, и мы сели рядом, продолжая разговаривать. Я закинула на колени пакет, и тут же что-то острое укололо меня сквозь джинсы. Порыскав на дне тщательнее, я обнаружила обычный дверной ключ.

Два дня пролетели незаметно. Голову растягивали воспоминания безжизненного тела матери и отчетливого ощущения чужой руки в темноте кафе. Дни до кремации осели во мне пониманием, что я совершенно не хочу ехать в ее дом, рассыпать пепел или, того более, молиться. Но совесть зудела о необходимости, и я сдалась.

Прах матери я отправилась забирать в одиночестве. Не хотелось, чтобы Дакота крутилась около меня. Воздух на улице дрожал над городом необычайно душной пеленой. Капли пота скатывались за воротник, пока я держала в руке замшевую сумку, купленную специально для этого дня. Не могла представить, что понесу маму в бумажном пакете, как пачку печенья.

Крематорий вырос в виде мрачного здания с небольшими колоннами. Двери втянули меня в морозный кисель, и в лицо ударил кондиционер. Запах просочился в ноздри как сладковатая тяжесть пережженного сахара с металлическим оттенком.

— Ваша фамилия, имя? — спросила женщина за стойкой.

— Мирна Эванз.

— По коридору прямо, налево лестница и на второй этаж, двести четырнадцатый кабинет, — она проговорила это без малейшей эмоции.

Войдя в нужный кабинет, я встретила с женщиной в строгой мешковатой униформе. Она, не глядя на меня, протянула урну. Может, у мамы были близкие, кто знал ее лучше? Хотя тогда она не оставила бы мой номер в списке контактов на экстренный случай. Откуда у нее вообще мой номер?

Металл урны был ледяной, пальцы тут же немного онемели. Внутри все сжалось. Я держала всю ее жизнь, сжатую до размеров этой банки. Урна оттянула руку. Я не ожидала, что прах, оставшийся от человека, весит так много.

На боку урны — крошечная табличка с именем «Зои Ферал».

Женщина за столом несколько раз ткнула пальцем в бумажку, и я автоматически расписалась. Вывела свое имя рядом с ее — впервые в жизни наши имена стояли так близко на одном листе.

Вернувшись домой, я поставила урну на книжную полку между учебником по экономике и потрепанным томиком «Над пропастью во ржи».

Легкий ветерок с улицы шевельнул занавески. Где-то вдалеке залаяла собака.

А урна на полке продолжала молчать.

Дни проходили мимо меня. Я существовала на автопилоте, пока реальность бесцеремонно не ворвалась в мою спальню.

— Вставай, Мирна, Лой приехал! — тормошила меня Дакота в мое пятничное выходное утро. Подруга не сдавалась: хлопала меня по спине, тянула за одеяло, и в ее голосе слышалось утреннее нетерпение, когда слова еще чуть хриплые, но уже наполнены радостью.

— Серьезно, Мирна, поднимайся! Он уже здесь! — повторила она, и теперь в ее голосе было достаточно счастья, что даже сквозь сон стало ясно — день сегодня будет гораздо ярче.

Я потянулась, размяла плечи и смирно осталась в этом мягком состоянии полудремы. Телефон завибрировал — коротко и настойчиво. Лой.

«Я уже на подходе. Если вы в халатах — я разворачиваюсь и уезжаю обратно в ад корпоративной этики».

Я невольно улыбнулась. В самый разгар драмы он мог вдруг спросить, едят ли пингины снег, — и все, серьезный настрой рассыпался в прах. Я потянулась за телефоном, лениво набрала:

«Халаты — это парадная форма».

И после добавила:

«Смирись».

Дакота уже хлопотала на кухне, что-то напевая себе под нос. Я слышала, как она открывала шкаф, доставала кружки, как в чайнике закипала вода, потом что-то падало, и она тихо ругалась.

— Мирна, ты слышала? Он уже почти здесь!

Мельком глянув в зеркало, я увидела все те же фиолетовые круги под глазами и торчащие во все стороны угольные волосы. Быстро пригладив их и затянув в тугий хвост, я влезла в спортивные шорты и футболку с Тейлор Свифт. Нашупала тапки под креслом и поплелась на кухню.

Дакота разливала чай по кружкам.

— Лой всегда приезжает, когда у нас бардак? — спросила она, не оборачиваясь.

— Думаешь, он этого не ждет?

Лой дружит с нами с колледжа, и уж он точно видел у нас хаос и похуже.

Дакота угукнула, и в дверь настойчиво позвонили. Так длинно, что можно было подумать: звонок заело. Мы побежали к двери наперегонки.

— Иду я, иду! — крикнула Дакота.

Лой стоял с широкой улыбкой. Рюкзак валялся у ног, в руках — помятая картонная коробка.

— Ну что, вы тут совсем без меня одичали? — спросил он с порога.

Мы с Дакотой переглянулись.

— Ты кого-то ограбил? — спросила я, прислонившись к косяку.

Лой обнял Дакоту одной рукой.

— Хуже. Сувенирная лавка на вокзале, — он вручил мне коробку.

— И что там? — я кивнула на его трофей.

— Это сувениры. Для поднятия вашего культурного уровня. — Он покрутил коробку в руках.

— Только бы не магнитики, — вздохнула я.

— Нет, на этот раз все серьезно. Там даже что-то съедобное есть, — он поставил вещи на тумбочку и огляделся.

— Ну как? — спросила Дакота.

— Адски скучно. — Лой упал на стул, вытянув ноги. — Единственный плюс — я выспался на лекции.

Он сделал глоток чая, скривился. Но промолчал.

— Ты безнадежен, — усмехнулась Дакота.

Он отхлебнул чай и снова поморщился.

— Вы ждали меня, чтобы допить вчерашние помои?

Лой показывал какие-то нелепые фотографии с конференции: вот он с табличкой «Гость», вот — с чашкой кофе, на которой кто-то нарисовал смайлик.

Мы сидели за столом.

Лой глянул на меня поверх чашки, уголок губ дернулся, а пальцы издали щелчок. Он что-то быстро набрал на телефоне, и через секунду у меня на экране всплыло сообщение: «Ты сегодня особенно загадочная. Это новый стиль?»

Я улыбнулась, не поднимая глаз:

«Экономлю энергию».

Мы частенько переписывались, даже сидя за одним столом. Дакота к этому давно привыкла, не вмешивалась, просто принимала как часть какой-то родственной связи.

Лой мельком глянул на экран, хмыкнул и вдруг выдал, глядя в окно:

— Слушайте, а вы замечали, что в этом районе все собаки... одинаковые?

— В смысле? — не поняла Дакота.

— В прямом. Я, пока шел от остановки, видел трех. И клянусь, это был один и тот же пес. Та же хромота на левую лапу, то же пятно на ухе. Только хозяева разные.

— Может, ты просто ходишь кругами? — фыркнула Дакота. — Или у тебя передоз кофеина.

— Нет, серьезно, — Лой подался вперед, и в его голосе проскользнуло что-то странное, не похожее на шутку. — Я даже сфоткать пытался. Достая телефон, навожу, а на экране мыло. Три раза подряд.

Он покрутил телефон в руках.

— Глюк в матрице.

— Или у тебя руки дрожат после самолета, — усмехнулась я, но по спине пробежал холодок. Призрак кофейной галлюцинации замаячил на краю сознания.

Через пару часов мы переместились в прохладную комнату. Лой по-хозяйски прошелся вдоль моего стеллажа, взял с полки старую стеклянную шкатулку, подбросил ее в воздух и не глядя поймал у самого пола. С моих губ сорвалось «ой», а он лишь ухмыльнулся и поставил ее обратно, но задом наперед. Затем он устроился на полу, вытянул длинные ноги, задумчиво щелкнул пальцами. Его обычно рассеянный взгляд вдруг стал собраннее, серые глаза задержались на мне чуть дольше, чем обычно. Он провел рукой по соломенным волосам, будто хотел что-то сказать, но не сразу решился. В комнате на секунду стало тише, и только тогда он почти шепотом спросил:

— Ну, как ты?

Я пожала плечами. Лой кивнул и переключился на другую тему.

— А теперь к подаркам, — объявил друг, хлопнув ладонями по коленям. Он потянулся к своей коробке, и в глазах мелькнул азарт.

— Ну-ну, удиви нас, — хмыкнула Дакота, склонив голову и чуть прищурившись.

— Дакота, лови, — он кинул ей маленькую коробочку.

Она открыла. Внутри лежал серебряный браслет с подвеской-ложкой.

— Ложка? — Дакота выгнула бровь. — Seriously?

— Это чтобы ты могла вычерпывать мой мозг чайными ложечками, как ты любишь, — невозмутимо пояснил Лой. — Символизм, детка.

Дакота тут же нацепила браслет.

— А тебе, — он повернулся ко мне и протянул плетеный шнурок, — оберег от злых духов. Местная бабка уверяла, что он сплетен из волос девственниц, но я думаю, это просто крашенная пенька.

— Фу, Лой. — Я повертела браслет.

— Носи не снимая. Вдруг поможет.

— А себе что? — спросила я.

— Себе я взял знания. — Лой пошарил в коробке и звонко щелкнул пальцами. — Кто-то должен думать о практических вещах.

Получив подарок, Дакота свернулась в кресле, поджав под себя ноги. Она без остановки крутила на запястье новый браслет. Я наконец устроилась у окна, наблюдая, как по стеклу медленно ползет отражение уличного фонаря.

— Мирна, — вдруг сказала Дакота, — ты опять где-то далеко.

— Я здесь, — ответила я, натянуто улыбнувшись.

— Время — это иллюзия, — философски заметил Лой, глядя куда-то в угол.

— Кстати об этом. — Дакота перестала играть с браслетом и выпрямилась. — Завтра мы едем в дом мамы Мирны.

Лой напрягся и медленно повернулся ко мне:

— Зачем?

— Я хочу развеять прах, — спокойно ответила я.

— Плохая идея, — тихо сказал Лой, сцепив ладони в замок. — Ворошить прошлое...

Он выглядел собранным и чрезмерно закрытым. Даже его привычная небрежность куда-то исчезла.

— Это нужно, чтобы хоть что-то узнать о матери, — упрямо сказала Дакота и чуть подалась вперед. — И, во-вторых, это будет полезно для Мирны.

Она посмотрела на меня, развела руки, приглашая к объятию. Я машинально отодвинулась, уткнувшись в окно, и Дакота театрально выдохнула.

Лой открыл рот, но я перебила его, не давая разгореться спору:

— Будет еще Стивен.

Лой, откинувшись на спинку дивана, закатил глаза.

— Стивен? Ну, если уж Стивен, тогда ладно... Я подъеду. Ко сколько?

— Мы выезжаем утром, у Стива машина, так что к восьми, и не опаздывай.

— А еще, вы не поверите, — Дакота хитро прищурилась, — мне пришло письмо, что у меня умер какой-то дядя.

Она хлопнула в ладоши, и я обернулась, не сразу поняв, шутит она или нет. Лой тут же встрял, не дождавшись подробностей:

— Какой дядя? У тебя нет дядей!

— Ну ты дослушай, — протянула она, цокнув. — Какой-то дядя по отцовской линии. У нас даже общее фото есть. Так вот, он умер и оставил мне квартиру... в каком-то городе. Грим... что-то. Я не помню, надо перечитать письмо.

В комнате стало чуть светлее — за окном проехала машина, и полоска света скользнула по стене. Я уставилась на Дакоту, не веря своим ушам:

— Так ты уезжаешь?

— Нет, глупая, — цокнула она, — я предлагаю нам всем поехать туда на лето. Квартира все равно пустует, да и эту надо освободить, а заодно и сменить обстановку.

Почесав затылок, Лой нахмурился.

— Почему тебе оставил?

— Ну я откуда знаю? — пожала плечами Дакота. — Может, совесть замучила на старости лет, что бросили меня. Или просто других родственников не осталось.

В комнате повисла небольшая пауза.

— Ну что, Мир, — Дакота наклонилась в мою сторону, и ее голос стал мягче, — мы ведь можем поехать? Тем более надо квартиру освободить, а заодно сэкономим. Ты же сама говорила, что хочешь перемен.

— Я не знаю... — пробормотала я. — А работа? А деньги? У меня после оплаты счетов осталось ровно на то, чтобы не умереть с голоду в ближайшие три дня.

— Найдем там, — уверенно сказала Дакота, отмахиваясь от моих страхов. — Мне упали копейки от этого дяди на «транспортные расходы». Ну или хотя бы попробуем. Пожалуйста, это же звучит как начало чего-то нового. А Лой будет к нам приезжать, правда?

— Я подумаю! — он щелкнул пальцами.

Дакота уже строила планы, Лой привычно подыгрывал.

Так ли много меня держит здесь? Стивен? Нет. Работа? Вряд ли. Все, что казалось важным, стало каким-то размытым, не таким уж обязательным.

— Ну, — отозвалась я наконец, — может, и правда стоит попробовать. Только узнай все подробнее, прошу. Я не хочу попасть в рабство.

— Конечно, Мир! Вот это настрой! — обрадовалась Дакота и, хлопнув меня по плечу, повернулась к Лою. — Все, ты теперь тоже в деле, не отвертись.

— Я уже морально пакую чемодан, — усмехнулся он, — только скажите, где этот ваш Грим... что-то.

— Гримфор, кажется, — задумчиво сказала Дакота. — Нет, Гримфорд...

Глава 3

Кишки скручивало в узел. Изжога жгла горло, будто я проглотила не яблоко, а горсть гвоздей, и теперь они медленно ржавели где-то под ребрами.

Вот уж не думала, что могу так нервничать.

Стивен должен заехать через пятнадцать минут. Я примостилась на краю кровати.

Дакота, сидя в кресле, невозмутимо доедала подгоревший омлет. Читала в телефоне про Гримфорд, время от времени хмурясь — то ли из-за новостей, то ли над собой. В ней ни единого изъяна. Она встроена в этот утренний ритуал. А я — нет.

— Ты вообще собираешься что-то есть? — спросила Дакота, не отрываясь от экрана. — Мир, ты совсем бледная.

— Не хочу. Потом.

Дакота отложила вилку. Оказалась рядом, опустилась на кровать так близко, что я почувствовала ее колено. Несмотря на тепло, которое она излучала, я не решилась прижаться. Только съежилась еще сильнее.

— Ты так всегда говоришь, — она тихо убрала прядь волос с моего лица.

Я пожала плечами, сжала губы, чтобы не сказать лишнее.

— Все нормально. Просто... не знаю, странно все.

Тяжелая ладонь легла мне на плечо.

— Слушай, если не хочешь ехать — скажи, мы все отменим.

— Я не хочу, — вырвалось честно. — Но надо. Я должна съездить.

Голос прозвучал тише, чем хотелось.

С улицы донесся глухой хлопок — закрылась дверца машины. Следом на телефон Дакоты пришло уведомление. Она вздрогнула. Сквозь открытое окно ворвалось все сразу: запах сырого асфальта, голоса, хруст гравия.

— Стивен приехал, — сказала она, выдавливая улыбку.

Я медленно встала, проверяя, слушаются ли ноги. Ступни подрагивали, и мне пришлось на секунду замереть, чтобы поймать равновесие. Машинально отряхнув джинсы от складок, я подхватила с пола сумку и шагнула к двери, как в самое обычное утро.

— Не переживай, — успокоила Дакота, касаясь моей руки. — Все будет нормально. Я рядом.

И я ей почти поверила.

Мы вышли на улицу. Стивен уже ждал у машины. Заметив нас, он поднял голову и коротко кивнул.

— Приветик, — ответила за нас Дакота. — Лоя еще нет, нужно подождать.

— Может, позвонишь ему? — предложила я.

Дакота быстро нашла контакт и набрала номер. Пока мы ждали ответа, Стивен смотрел на меня, переминался с ноги на ногу, не зная, куда деть руки.

— Хочешь сесть спереди?

Его взгляд скользил мимо, не задерживаясь на мне.

— Я с Дакотой сзади.

— Отлично, — вежливо улыбнулся он и открыл заднюю дверь.

Я задержалась у машины, глаза сами искали Лоя. Мне хотелось дождаться его, хотелось увидеть, как он подойдет и что скажет.

— Мирна? — окликнул Стивен.

— Сбросил, зараза, — бросила Дакота.

— Я подожду Лоя.

От невыносимой неловкости хотелось стать прозрачной, только бы не ловить непонимающий взгляд Стивена.

Тот же хлопнул дверью и равнодушно ответил:

— Все ждем Лоя, как скажешь.

Дакота приветственно раскинула руки, раньше меня заметив друга, появившегося из-за угла, как всегда, с рюкзаком через плечо, но без своей полуулыбки.

— Ну здравствуйте. Опозываем?

— Задерживаемся, — спокойно ответил Лой, немного запыхавшись.

Он подошел, раскинув руки, и я упала в объятия.

Лой ничего не сказал, но я почувствовала странную вибрацию в его груди, как гул натянутой струны.

— Стивен ревнует, отпускаяй уже, — фыркнула Дакота.

Я улыбнулась, и Лой открыл нам дверь. Казалось, это первый раз, когда он пропустил колкость Дакоты. Почему...

Обычно во взгляде Лоя жило что-то дерзкое, почти ребяческое, но сейчас там тянулась усталая тень. Мой рот почти открылся спросить, что случилось, но Лой уже отошел, коротко кивнув Стивену, и молча закинул рюкзак в багажник.

— Ну что, все на месте? — спросил Стивен, осматриваясь.

— Теперь да, — ответил Лой, и только тогда на его лице появилась отражение прежней улыбки.

Город быстро растворялся за окнами. Я сидела на заднем сиденье, зажав урну между коленями. Лой спереди тихо выбивал ритм по бедру, бросая бессмысленные фразы.

Дакота уткнулась в телефон. Я же несколько раз подряд вбивала в поиск: «визуальные галлюцинации, узоры». Экран выдавал один и тот же список. Опухоль, шизофрения, переутомление. Ничего, что объясняло бы холод на руке. Я заблокировала экран.

Воздух застыл. Каждый звук бил по нервам — от шуршания шин до скрипа ногтя Дакоты по стеклу. Лой завозился и, не спрашивая, нырнул в бардачок.

— Есть че пожрать?

— Там протеиновый батончик, — отозвался Стивен.

Лой выудил ярко-желтую упаковку.

— Мир, будешь?

Я откусила кусочек. Вкус был странный, меловой, но съедобный.

— Стив, ты что, качок? — с интересом спросил Лой.

— Не люблю фастфуд.

Я окинула их взглядом. Лой — худощавый, со сбившейся челкой. Стивен рядом с ним казался огромным — широкие плечи, крепкие руки на руле.

Паузу заполнил шорох обертки. Дакота наконец убрала телефон:

— Стив, кстати... Мы с Мирной уезжаем в Гримфорд.

Стивен бросил быстрый взгляд в зеркало:

— Что за Гримфорд?

— Дядька мне там квартиру оставил. Поедем месяца на три, сменим обстановку.

Она сказала это легко, словно речь шла о выходных. Плечи Лоя напряглись. Он уставился в окно, нервно теребя молнию на рюкзаке — всем видом показывая, что он ни при чем.

— Вы могли бы пожить у меня, — вдруг предложил Стивен.

Мы с Дакотой переглянулись.

— Это будет неудобно, — мягко ответила она. — Но ты сможешь приезжать в гости.

— Гримфорд... — протянул Лой, разбивая неловкость.
Стивен сжал руль крепче. Костяшки побелели.
— Да уж. Берете и просто уезжаете.
Лой посмотрел на меня, потом на Дакоту:
— Ну вообще, я тоже не очень-то рад...
— Ой, ну ладно вам, — отмахнулась она. — Мы будем слать письма.
Лой усмехнулся, глядя в окно.
— Ты разузнала про дядю? — спросила я.
— Да. Умер еще зимой.
— А ты с ним общалась?
— Ну... Почти нет. Виделись пару раз в детстве, но я его слабо помню, — Дакота пожала плечами. — Начнем с того, что я вообще мало кого помню.
— И все с документами?
— Да, — вздохнула она. — Юрист прислал на почту копии, выписку из реестра.
— Почему просто не продать? — вмешался Стивен.
— Решили с Мирной пожить, осмотреться. Юрист сказал, дом старый, но зато в центре. Ключи передаст лично.
— Подожди, — нахмурился Стивен. — Ты говорила, он умер зимой?
— Ну... да, в январе.
— А письмо пришло только в конце мая? — он недоверчиво хмыкнул, барабанил пальцами по рулю. — Почти полгода тишины. Обычно наследников ищут сразу. Ты проверяла нотариуса? Лицензию?
— Стив, это глушь, — отрезала Дакота. — Все официально, с печатями.
— Печать можно и на принтере сделать. И эта «личная передача ключей»... Почему не в офисе? Звучит мутно. Смотрите, чтобы вас там не встретили кредиторы.
— Ой, выключи режим папочки, — закатила глаза Дакота, но я заметила, как дернулся уголок ее губ. — Никто нас не заманивает в ловушку ради старой квартиры.
— Ты хоть фотки смотрела? — скептически спросил Лой.
— Только снаружи. Интернет, думаю, есть.
Стивен продолжил допрос:
— Сколько комнат?
— Две.
— А до города сколько ехать?
— Да не знаю я, — Дакота теряла терпение.
— Если понравится, останетесь?
Подруга на секунду замолчала.
— Не знаю. Как Мирна скажет.
Я громко выдохнула. Очевидно, не только от меня все зависит.
— Там хоть магазины есть? — щелкнул пальцами Лой.
— Конечно. Там даже замок есть, прикинь? Будем жить как принцессы в изгнании.
— Ну, по фоткам город мрачноват.
— Это да, но природа — балдеж. Мирна с ума сойдет.
— Ну, замок ниче такой, — Лой листал фотки.
Машина свернула с трассы в зеленый коридор старых тополей. За окном потянулись покосившиеся заборы, заросшие сады. Дома стояли вплотную, сквозь листву мелькали чужие окна. Мы въехали в место, где прошло детство, которого у меня не было.
В горле встала сухая пробка. Ладони вспотели, я вытерла их о джинсы, но липкость никуда не делась.
Мотор стих. Тишина навалилась мгновенно.

— Приехали, — тихо сказал Стивен. — Готова?

Я кивнула, хотя готова не была.

Лой выбрался первым. Я вышла следом. Под подошвами противно хрустнул гравий. В лицо ударил влажный запах — смесь сырой травы, земли и гнили.

Хотелось одновременно исчезнуть и сделать шаг вперед.

— Привет, давно тебя здесь не было! — раздался крик.

Мы обернулись. Женщина из соседнего дома перевесилась через забор. Она смотрела на нас с таким вниманием, будто пыталась узнать в каждом знакомого.

Мы молчали. Не понимали, к кому она обращалась. Может, она приняла меня за кого-то другого?

— Это к тебе? — шепотом спросила Дакота, дергая меня за руку.

Я покачала головой. В памяти не всплыло ни одной знакомой черты. Лой шагнул вперед, закрывая меня спиной, и громко произнес:

— Идемте уже внутрь. Нечего тут стоять.

— А ответить? Кому она? — пробормотала я, оборачиваясь через плечо.

Соседка все еще стояла у забора. Улыбка исчезла, уступив место растерянности и напряженному ожиданию.

— Видишь, не все в порядке с ней, — вполголоса сказал Лой. Он осторожно, но настойчиво подтолкнул меня в спину.

Я отвернулась. Дом смотрел на меня так же пристально, как и женщина.

Маленький, двухэтажный, с остроконечной крышей. Выцветший серо-бежевый фасад казался бледным на фоне ясного неба. Внизу, за темно-зелеными рамами эркера, угадывались силуэты растений.

Вокруг дома — низкий частокол. Потемневший от сырости, он напоминал старую челюсть с редкими зубами досок. В провале висела калитка. Краска пошла струпьями, ржавое кольцо вместо ручки скалилось.

Я медленно подошла. Дверь поддалась не сразу, пришлось толкнуть. В нос ударил густой аромат пыли и старого лака.

Внутри было темно. Тусклый свет выхватывал очертания мебели. На вытертом ковре — чьи-то следы, в мутном зеркале шкафа — расплывчатый силуэт.

Воздух давил на грудь запахами старых книг и засохших цветов. Вошел Стивен. Следом — Дакота, громко чихнув. Лой зашел последним и замаялся на пороге, рассматривая ковер.

Дверь захлопнулась, отрезая свет. Я нащупала выключатель. Желтая лампа осветила прихожую, тени метнулись по углам. Очертились резные перила и мутное окно.

Дакота, все еще морщась, выдохнула:

— Здесь все такое старое... Ему лет тридцать.

Стивен молча прошел дальше. Остановился у стены, где висела выцветшая фотография в тяжелой раме, провел пальцем — на стекле осталась чистая полоска.

Лой наконец решился пройти и, не поднимая глаз, пробормотал:

— Ковер как у моей бабушки.

Я двинулась вперед. Дом будто впитывал нас. В гостиной пахло иначе: примешивался сладкий аромат духов.

В углу стоял массивный телефон. Над ним висело фото, покрытое слоем пыли. Я задержалась, пытаясь разглядеть лица, но тщетно.

Дакота провела рукой по спинке кресла, оставив на ткани светлый след, и присела на край пуфа. Стивен раздвинул тяжелые шторы, впуская солнечные лучи. Лой наконец оторвался от ковра, заглянул в соседнюю комнату и вернулся.

— Тут кухня огромная, — сказал он, стараясь звучать бодро. — И фрукты на столе.

Я покачала головой:

— Странно.

Хотелось верить, что за домом присматривают. Но вера таяла с каждой секундой.

Я прошла в кухню. Здесь пахло кофе, лимоном и пряностями. На каменном столе стояла миска с фруктами — совершенно свежими. Матери не было год. Яблоки блестели, бананы были желтыми, без пятнышек гнили. Это выглядело как ошибка в декорациях заброшенного дома. Коснулась яблока — твердое. По спине скользнул холодок. Значит, кто-то был здесь совсем недавно. Я потрогала чайник — холодный.

Вернулась в прихожую и поднялась по лестнице, держась за отполированные перила. Наверху было светло: солнце из больших окон заливало пол золотистыми пятнами.

Слева тянулись полки с выцветшими переплетами, между ними — фотографии. Я пригляделась: узнала только маму. Совсем молодая, с небрежным пучком темных волос. На ней было легкое светлое платье. Она стояла на фоне кухни какого-то богатого поместья: резные шкафы, медная посуда. В правой руке сжимала медальон на тонкой цепочке и открыто улыбалась.

— Вы очень похожи, — подкрался сзади Стивен.

— Улыбкой? — спросила я.

Стивен внимательно осмотрел мое лицо, приложил пальцы к щетинистому подбородку и, сузив глаза, ответил:

— Глаза, скулы, цвет волос.

Я взглянула на фото еще раз, достала из рамки, сложила и сунула в карман.

— А кто на тех фотографиях? — разглядывая, спросил Стивен.

Я протерла пыль с двух других фото. На них был немолодой мужчина с густыми бровями и усталым взглядом. Снимки казались случайными: на одном он застигнут врасплох, с полуулыбкой, на другом — задумчиво стоит у окна. Свет подчеркивал резкие скулы и морщины у глаз.

— Не знаю.

В углу под окнами был уютный диванчик с цветастыми подушками. Рядом — столик с раскрытыми книгами и футляром для очков. Под сиденьем виднелись коричневые потертые шкафчики.

Я вошла в спальню. На комодѣ теснились книги, ваза с сухой лавандой и фарфоровая шкатулка. Открыла крышку — внутри было пусто.

Тишину нарушили быстрые шаги и скрип лестницы.

— Мирна! Ты где? — позвала Дакота и распахнула дверь спальни.

— Слушай, ты видела, что под этим диванчиком с подушками? Там целый клад — письма, фотографии, какие-то документы даже.

Я обернулась, в ее голосе прозвучал азарт от разгадывания чужих тайн. Я последовала за ней.

Она подошла к диванчику у окна. Я бы предпочла там не тайны искать, а сидеть, читать роман и попивать горячий облепиховый чай.

Дакота ловко опустилась на колени, с усилием приподняла мягкое сиденье, и оно со скрипом поддалось, открывая спрятанное внутри пространство. Она бережно стала вытаскивать из тайника перевязанные лентой пачки писем, пожелтевшие от времени открытки, несколько старых выцветших фотографий с неровными краями и папки с бумагами, на которых проступали бледные чернила и чужие подписи. Все это она выкладывала рядом на ковер, и вещи, долго скрытые от глаз, теперь лежали на свету, показавшись нам, чтобы их наконец прочли и вспомнили.

Лой стоял на последних ступеньках и покачивал головой:

— Не надо, Мирна. Серьезно, это не наше. Вдруг там что-то личное? Или вообще важное, а мы сейчас все раскидаем...

— Господи, это же я... — вырвалось у меня, когда среди груды потемневших снимков мелькнуло мое лицо. На фотографии — я, с растрепанными волосами и наивной улыбкой, в старом свитере с эмблемой колледжа.

— Да, охренеть... — выдохнула Дакота, прикрыв рот ладонью.

Я уставилась на фотографию. Сердце дернулось — это точно была я. Как это оказалось здесь, в этом доме, где меня быть не должно? Пальцы дрожали, когда я перевернула фотографию, — на обороте ничего не было. Откуда? Зачем? Почему не позвонила, если смотрела на меня вот так издалека?

Пальцы сами потянулись к стопке других фотографий.

— Это все я, — прошептала я, перелистывая один снимок за другим.

Мама все время была рядом, она знала, где я, но ни разу не пришла.

Боже... Все казалось каким-то нереальным, будто я смотрела на чужую жизнь, в которой почему-то было много меня.

— Может, не стоит это трогать? — настойчиво сказал Лой. — Все равно ведь ничего не изменишь.

— Лой, тише, — прошипела Дакота.

— «Моей девочке десять», — прочла я на обороте одной из фотографий.

Глаза резало так, что невозможно было моргнуть. Я ждала, что сейчас разрыдаюсь, но лишь неуместно всхлипнула. Последняя фотография сделана два года назад, я была в форме на работе.

Отложила фотографии и взяла стопку писем.

Стивен вдруг спросил:

— А кому вообще достанется этот дом? Ты знаешь?

— Какому-то мужчине. Это арендованный дом.

Я осторожно раскрыла один из конвертов. Почерк был размашистый, небрежный — строки о разных поездках, о погоде. Дакота уже рылась в следующем отсеке, вытаскивая пачки старых фотографий.

— А если этот мужчина приедет?

— Нет, — отрезала я. — По договору из ее вещей она оплатила аренду на два года вперед.

— Смотри, тут документы, — прошептала Дакота. — Счета?

Я покачала головой, не отрываясь от письма. Дальше развернула еще один конверт, и первое, что бросилось в глаза — неровные дрожащие буквы: «Прости меня, моя доченька...».

Мое сердце провалилось куда-то глубоко в желудок. Пальцы задрожали, бумага неприятно зашуршала в руках, и я не могла заставить себя дочитать. Каждое слово резало по живому, вынимало наружу все то, что я столько лет пыталась не чувствовать. Дышать стало трудно, а в голове звучал только этот голос, обращенный ко мне через годы. Через молчание, через все то, что уже невозможно исправить. Я даже не знала ее голоса, с какой интонацией она бы это говорила.

— Что там? — шепотом спросила Дакота, придвинулась ближе.

— Письмо для меня.

Глава 4

Я боялась, что прочту там глубокие сожаления о своем появлении, и только это останавливало меня от прочтения вслух. Но Дакота приобняла меня за плечи, и я начала:

— «Прости меня, моя доченька. В этой вселенной нам не суждено знать друг друга, и эта глубокая боль убила во мне человеческие чувства. Я молюсь Господу каждый вечер в надежде, что он даст мне силы отправить тебе это письмо и оно не уйдет в ящик неотправленных. Я мертва для тебя и себя, ничто не может наказать меня сильнее, чем слабость, прикрытая защитой. Но защищать тебя я буду всегда, и не только я. Доверяй себе, родная. Верь интуиции, что ведет тебя к свету. И когда станет темно, ты отомстишь всем, кто лишил тебя покоя. Моя маленькая Мира, — я сглотнула ком во рту и продолжила, — моя невинная девочка, ты невероятно красива, и каждый вечер я проживаю несбыточные воспоминания, как сижу рядом с тобой во дворике на качелях, ветер треплет нам волосы, и я могу касаться тебя, а не только твоих фотографий. Ты бы любила помогать мне сажать цветы, может, тебе бы понравились фиалки. Я никогда этого не узнаю, и пусть я умру мучительной смертью за то, что ты проживаешь жизнь без моей любви. Будь верна себе, и, когда придет время, я встречу с тобой и все расскажу, помогу пережить боль тяжелого бремени».

Тело сковало оцепенением. Я слышала, как рядом срыгается дыхание Дакоты, и вдруг на плечо упали ее горячие слезы. Повернув голову, я встретилась взглядом с покрасневшими глазами.

— Боже, — выдохнула она хрипло и резко обняла меня, вцепившись пальцами в мою спину. Она всхлипнула, не стесняясь ни себя, ни меня. Ее дрожь передавалась мне, будто мы обе на мгновение стали одной раной.

Она плакала вместо меня, и это было непривычно. Внутри выключили свет. Казалось, если я сейчас попробую встать, ноги подогнутся. Мама сама себя вычеркнула, и меня заодно.

Я аккуратно сложила бумагу и сунула в карман — буду перечитывать, пока не вытяну смысл из каждой строки, пока не пойму, о каких тайнах она пишет. Я даже не знала, была ли она в своем уме.

Лой стоял поодаль, переминаясь с ноги на ногу, и бросал тревожные взгляды на дверь, ожидая, что кто-то вот-вот войдет и застигнет нас.

— Может, хватит? — тихо сказал он. — Ну правда, Мир, зачем тебе это? Все равно ведь не твое.

— Да что с тобой? Пусть посмотрит, — вмешалась Дакота, не поднимая головы.

Внутри поднималась странная смесь вины и любопытства. Я перебирала конверты, но остальные были непонятны: где-то странные буквы, где-то описания дома, погоды, рецепт печенья. Я прочла лишь часть.

«Я любила этот дом, я любила наблюдать за лесом из окон, любила ухаживать за Л., а главное, я любила его всем сердцем, настолько, насколько могла чувствовать моя юная душа. Я любила, как тихо он подкрадывался ко мне и обнимал сзади...»

— Стив, принесешь пакет? — попросила я.

Он коротко кивнул и, опираясь на перила, быстро спустился по лестнице.

— Зачем тебе пакет? — Лой вопросительно изогнул бровь.

— Я заберу все это.

— Мир, это может быть опасно. Новый владелец может что-то знать, да и соседи нас видели...

Я встретилась с ним взглядом, не давая договорить:

— Мне все равно. Я все заберу.

— И правильно, — отозвалась Дакота, вытерев остатки слез с лица.

Стивен вскоре вернулся, протянув мне полиэтиленовый пакет. Я сложила внутрь письма, фотографии и документы, ощущая настороженный взгляд Лоя.

Из пачки выпал документов о смене фамилии с Вэлленс на Ферал. Значило ли это, что я Мирна Вэлленс? Я должна сохранять благоразумие. Как только это узнать?

Стивен взял с полки книгу, смахнул с нее пыль, и Дакота громко чихнула, прикрыв рот ладонью.

— Прости, — неловко улыбнулся он, пролистав несколько страниц. Из книги тут же выпала фотография. Она, покругившись в воздухе, приземлилась изображением вниз на пол. Стивен аккуратно поднял снимок, задержался взглядом на обороте и, повернув его ко мне, негромко сказал:

— Красиво.

Дакота, едва взглянув, ахнула.

— Это Гримфорд! — она почти вырвала фотографию из рук Стива, чуть не оторвав край. — Клянусь, это Гримфорд!

Я вгляделась в снимок. На нем молодая мама стояла на фоне стены большого здания: то ли старинного поместья, то ли замка — точно не определить. Рядом тот же мужчина. Он что-то шептал ей на ухо, а она смеялась, прикрываясь рукой. В их позах сквозило что-то личное и интимное. Возможно, именно ему адресованы письма. Может, это мой отец... но я отогнала мысль, не позволяя себе додумывать.

Теперь я знала точно: мне нужно в Гримфорд. Это место перестало быть просто пунктом на карте или шансом отвлечься. Оно стало частью маминых тайн, ее жизни, о которой я почти ничего не знала.

— Это странно, — приглушенно сказала Дакота, не отрывая взгляда от фотографии, и в ее голосе звучала тревога.

Я забрала эту фотографию в пакет и встала.

— Ди, мы срочно едем в этот твой Гримфорд! Завтра!

В комнате повисло растерянное молчание.

— Не горячись, автобуса нет на этой неделе, я взяла билеты...

— Нужно пораньше, — перебила я, вбивая в поисковой строке интернета билеты на ближайший автобус.

— Ладно, ладно... Напишу юристу, что мы будем раньше, — поддержала Дакота.

Два билета были через неделю. Не раздумывая, забронировала их.

Семь бесконечных дней мне предстояло вариться в этом неведении, изучать каждый миллиметр старого снимка, перечитывать письма. А ведь еще пару часов назад я просто хотела поставить точку во всем этом и забыть, но сейчас... сейчас внутри все дрожало от потребности сорваться с места. Как вообще выдержать эту неделю?

— Я сейчас, — тихо сказала я и, не дожидаясь ответа, вышла из комнаты, спустилась в ванную на первом этаже.

От кафеля веяло прохладой. Я плеснула воду на лицо, чувствуя, как капли стекают по щекам, смывая усталость.

Лой, Дакота и Стивен уже спустились.

— Я собрала все в пакет, можем идти, — предупредила Дакота.

— Да, нам пора собираться, — сказал Стивен. — Уже поздно, если не выедем сейчас, застрянем в пробках.

Лой, все это время стоявший в стороне, нервно поправил выбившуюся прядь волос и бросил через плечо:

— Здесь и так задержались.

Дакота кивнула, оглядела комнату на прощание и взяла меня за руку. На выходе я оглянулась: прихожая больше не казалась пустой — она наполнилась чем-то важным, пока мне непонятным.

Заперла дом и тихо сказала:

— Пойдем во двор.

Ребята молча пошли следом.

На заднем дворе, среди ржавых качелей и цветов, тонущих в зелени, было глухо. Я стояла, прижимая урну. Не глядя на друзей, бережно открыла крышку.

— Ты уверена? — почти сердито спросил Лой.

— Да. Здесь ей будет лучше.

Я присела у клумбы. Выбрала место, где сквозь землю просачивались бледно-розовые и желтые бутоны, и медленно высыпала прах в гущу зелени. Ветер подхватил легкое облачко, и оно растворилось в воздухе, оседая на лепестках, на земле, на корнях.

Дакота замерла рядом. Стивен опустил голову, а Лой отвернулся, делая вид, что рассматривает забор.

— Прощай, — прошептала я.

Мы постояли так еще несколько минут, пока солнце не склонилось к горизонту и тени не стали длиннее. Потом я встала, вытерла ладони о джинсы и посмотрела на ребят.

— Все, поехали.

— Ты уверена, что ничего не забыла? — спросила Дакота, бросая последний взгляд на дом.

— Вроде все.

Мы вышли через калитку, и я еще раз оглянулась на дом. Ключ в кармане тихо звякнул о завалившуюся мелочь. Прятать его под коврик я не стала. Мне нужен был этот ключ, мне нужен был путь сюда снова.

— Может, стоит поговорить с соседкой? — вспомнила я приветствие незнакомой женщины у забора. — Вдруг она что-то знает, может рассказать...

— Не сегодня, — мягко перебил меня Лой. — Ты и так на пределе, видно же. Давай просто поедem домой, а если понадобится — вернемся, специально для этого.

Я кивнула. В этом был смысл.

Мы сели в машину. Лой уверенно направился к водительской двери.

— Я поведу, — бросил он, не спрашивая.

Стивен замер, рука дернулась к ключам. Но он посмотрел на меня — бледную, с пустым взглядом — и молча протянул брелок Лую.

— Только аккуратнее, — тихо сказал он и сел спереди.

Дакота устроилась рядом со мной, ее ладонь легла мне на колено.

Мотор загудел, машина тронулась, и дом остался позади. Я зевнула, прикрыла глаза и наконец разрешила себе чуточку покоя.

Мысли заиклись, дни стали неразличимы. Все свелось к механическим действиям. Лой приходил каждый день. Отвлекал байками об учебе, спрашивал, как я, сколько писем прочла. Дакота лишь изредка совала нос в конверты, но и у нее дел хватало — жизнь крутилась вокруг новой собственности. Вечерами я возвращалась домой, бросала сумку, включала свет и снова возвращалась к письму, к первым строчкам: *«Прости меня, моя доченька. В этой вселенной нам не суждено знать друг друга, и эта глубокая боль убила во мне человеческие чувства»*.

Почему «в этой вселенной»? Кто посмел нас разлучить? И что это за боль, уничтожившая в ней человеческое?

Я возвращалась к письмам на непонятном языке. Оно было подписано неким «Марцелл Хелионик». Уже несколько раз проверяла его имя в интернете, но ничего. Я даже пыталась вводить некоторые слова в переводчик, надеясь на функцию автоматического распознавания, но все было напрасно. То ли слова были неверные, то ли я неправильно разобрала почерк.

Через пять дней я научилась делать вид, что все в порядке, но внутри было по-прежнему пусто.

«Я любила этот дом, я любила наблюдать за лесом из окон, любила ухаживать за Л., а главное, я любила его всем сердцем, настолько, насколько могла чувствовать моя юная душа. Я любила, как тихо он подкрадывался ко мне и обнимал сзади. Его волосы всегда пахли отменно, я каждый раз ждала нашего поцелуя, который успокаивал меня до потери сознания. Я бесконечно благодарна ему, что показал мне свой мир. Я потеряла все это. Столетия отобрали это, предки запретили нам, и я проклинаю тот день, когда полюбила этот дом».

Я перечитывала письмо снова и снова, пока точно не уверилась, что дом — это старое поместье в Гримфорде, мужчина — житель этого дома, а мать — скорее работница, чем хозяйка. «Л.», вероятно, первая буква имени мужчины.

Отныне я искала маму во всем: в лицах прохожих, в запахе чужих духов, в случайных фразах в автобусе. Пыталась собрать образ по кусочкам — по письмам, фото, обрывкам воспоминаний, всплывающих в голове.

Очередным субботним вечером, когда я сидела за просмотром фотографий, телефон завибрировал на столе. Сообщение от Стивена. Он и Лой мне часто писали: Лой — без причины, Стивен — по работе. Я не спешила отвечать, наткнувшись на интересный текст в очередном письме:

«Было замечательно выйти из дома первый раз за столько дней и позавтракать с ним чашкой американо с клубничным эклером. Это было так недалеко от нее, но я сдержала в себе порыв. Заведение мне понравилось, эти большие чашки при входе и яркие лампы на столах приводили меня в немой восторг. Впервые за два года».

«Недалеко от нее» — где это? Я не знала ничего с большими чашками и лампами поблизости. Почему она так долго была взаперти? Это значило только то, что за ней кто-то реально следил и она его боялась.

Я потянулась к телефону.

«Ты дома? Может, увидимся?» — писал Стивен.

Я смотрела на экран, не решаясь ответить. Мысли о матери, письмах, Гримфорде не отпускали ни на минуту, и идея неформальной встречи казалась неуместной. Я уже строчила отказ, как Дакота резво заглянула в мой телефон:

— Просто скажи «да». А если будет совсем плохо — позвонишь мне, я тебя вытащу.

Я улыбнулась. Она права. Нельзя и дальше сидеть и изводить себя догадками.

«Давай через полчаса, сможешь?» — написала я.

В прихожей послышались шаги. Неспеша вошел Лой. На улице темнело, и с ним в комнату ворвался прохладный воздух с запахом дыма.

Лой повесил ветровку на крючок.

— Как вы тут? — он присел на край стула, потирая ладонями лицо и стряхивая остатки прохлады. — Что происходит?

Дакота повернулась к нему, глаза блеснули, и она не сдержала довольную улыбку:

— Угадай, кого сегодня позвали на свидание? — Она кивнула в мою сторону, подталкивая к признанию.

— Это обычная встреча.

Брови Лоя поползли вверх.

— Вот это номер! Не вздумай сбежать через полчаса, — улыбка стала шире. — Если что — пиши.

Не так уж страшно выйти из дома. Дакота подмигнула мне, а Лой поднялся и направился к двери, шелкнув пальцами:

— Удачи!

По венам разлилось легкое пьянящее предвкушение.

Я быстро влезла в белый свитер, путаясь в рукавах. Взяла сумку и, прежде чем выйти, посмотрела в зеркало. В отражении все та же я — уставшая, с тенью под глазами.

Стивена у подъезда не было. Я опустила на пыльный бордюр, вытянув ноги, не желая возвращаться домой. Живот щекотало: неясно, куда мы пойдём и что он хочет обсудить. Стив подъехал через несколько минут. Вышел из машины и смущенно улыбнулся, словно не был до конца уверен, что я приду.

— Привет, — сказал он, быстро оглядывая меня. — Ты... хорошо выглядишь.

— Спасибо. Ты тоже.

— Я тут подумал... — он замялся, почесав затылок. — Может, просто прогуляемся? Мне нравится набережная вечером, там огни красиво отражаются. Если захочешь — потом зайдем перекусить. Или сразу поедим? Я не стал ничего бронировать, вдруг тебе не захочется.

— Прогулка — это хорошо, — согласилась я. — Я не очень разбираюсь в ресторанах.

— Отлично. Я тоже.

Мы сели в машину. Когда Стивен завел двигатель, я посмотрела на окна. Там, в мягком свете лампы, стояли Лой и Дакота — смотрели вниз, на нас, и, кажется, что-то обсуждали, не замечая моего взгляда. Дакота, смеясь, ткнула Лоя в бок. Он рассмеялся. Как же я бесконечно благодарна судьбе за них.

— У нас есть группа поддержки, — заметил Стивен, перехватив мой взгляд. — Дакота, наверное, уже строит планы на наш счет.

— Она всегда такая, — вздохнула я, пристегиваясь.

Он усмехнулся, выруливая на дорогу. Я монотонно перебирала вязку свитера.

Стивен заметил:

— Переживаешь?

— Нет, все хорошо, — я слабо улыбнулась. — Просто твое предложение прозвучало неожиданно.

— Разве? Мне казалось, я проявляю достаточно внимания...

Стивен посмотрел вперед, часто заморгал и чуть ссутулился.

— Возможно, — я пожала плечами. — Извини, мысли заняты другим.

— Да, я понимаю, — понизив голос, ответил он. — Поэтому и решил пригласить. Давно думал, но все никак не решался. А теперь вот ты уже уезжаешь...

Машина мягко завернула на перекрестке.

— Многое нашла в письмах?

— Нет, ничего нового.

Мы остановились у неработающих фонтанов. Вокруг почти никого, только редкие прохожие и лай собак.

Стивен шел чуть впереди, и свет фонарей скользил по его плечам, когда он оборачивался ко мне.

— Здесь всегда так тихо вечером. Я часто приезжаю сюда, когда не могу уснуть.

— Один? — спросила я, догоняя его.

— Обычно да. Слушаю воду, чтобы не застревать в голове.

Он посмотрел на меня чуть дольше обычного.

— Я вообще не мастер разговоров, — признался Стивен. — Иногда думаю, что проще молчать.

— А сейчас? — я улыбнулась краем губ. — Сейчас тебе хочется молчать?

Он покачал головой, и в его движениях появилась расслабленность.

— Сейчас хочется слушать тебя.

— Меня? — я смутилась. — Я не самый интересный собеседник.

— Я бы не сказал, — он остановился и повернулся ко мне. — Ты не замечаешь, как увлекаешь за собой.

— Я не знаю, что ответить.

— И не надо, я сам.

Он остановился и медленно потянулся ко мне. Пальцы коснулись моих. На секунду его ресницы дрогнули, а на щеке проскользнула теплая, растерянная улыбка. Он замер близко, почти касаясь лбом моего виска, и шум города отступил.

— Можно? — его голос прозвучал так тихо, что я скорее почувствовала его щекой, чем услышала.

Я едва заметно кивнула.

Губы коснулись моих осторожно. Я закрыла глаза, и мир застыл. Осталась только легкая дрожь у основания шеи, растущая с каждой секундой.

Он целовал меня снова и снова. Уже увереннее и глубже. Его рука нашла мою скулу, большой палец аккуратно провел по коже, запоминая контур. Он слегка отстранился, не разрывая объятий, и наши взгляды пересеклись. В синих глазах я поймала свое отражение.

— Я не знаю, что будет дальше, — вполголоса сказал он, — но мне бы хотелось, чтобы мы еще гуляли вот так.

— И мне, — ответила я, желая верить в это.

Мы остановились у перил, глядя на реку. Стивен приобнял меня сзади, положив руки на ограждение. Я думала о нем, о поцелуе, о том, что он значил. Но мысли сбились на маму, Гримфорд. Могла ли я в этот момент думать только о Стивене? Я страстно этого желала, но мысли прошедших дней врываются в сознание, руша хрупкое спокойствие. В висках начало пульсировать.

— Когда ты пришла на собеседование... Было забавно, ведь ты должна была прийти на мое место, — вдруг начал он. — Как видишь, я не уволился. В тот же день пришел и сказал, что передумал. Тебя не уволили — раз уж взяли, — и я был рад, что мы работаем вместе.

Он перевел дыхание.

— А потом я узнал тебя ближе. И понял, что хочу стать частью твоей жизни — как друг, парень, неважно.

Губы пересохли, я не знала, каким откровением поделиться в ответ. Я даже не верила до конца, что он говорил обо мне.

— Мне нравятся твои волосы, — выпалила я и тут же пожалела.

Он тихо рассмеялся.

— Это хорошо.

Потом добавил:

— Мир, я ни к чему тебя не обязываю. Просто хочу быть рядом и, если позволишь, подарить тебе спокойствие.

Его широкие плечи укрывали меня от ночного ветра.

Телефон завибрировал. Сообщение от Лоя: «Все хорошо?».

— Хочешь пройти до той лестницы? Там очень вкусно пахнет хлебом от пекарни, даже ночью.

Стив кивнул в сторону темного пролета.

— Хочу.

У лестницы действительно пахло теплым хлебом с корочкой. Я вдохнула глубоко.

— Так пахнет спокойствие, — сказал он шепотом.

— Хочу булочку. — Я посмотрела вверх — небо было чистым, только редкие огни мерцали вдали.

— Тогда еще чуть дальше дойдем, есть круглосуточное кафе, там неплохие эклеры, может, и булочка будет, — он усмехнулся.

От слова «эклеры» закружилась голова. Я вспомнила про клубничный эклер, который ела где-то мама. Зачем я вспомнила про это?

— Проводишь меня в Гримфорд? — Я прикусила губу.

— Я даже планирую приехать, — он кивнул. — Разберусь с работой и рвану к вам.

— Справедливо, — губы растянулись в улыбке при воспоминании о последнем рабочем дне на следующей неделе.

Мы снова пошли — медленно, как он любит. Вдалеке показалось кафе с двумя большими чайными чашками у входа. Как писала мама. В сердце защемило. Мы приблизились, и я разглядела маленькие желтые лампы на столиках.

Я остановилась, схватив Стивена за локоть.

Глава 5

— Стив, это место... оно давно здесь?

Его брови поползли вверх.

— Да. А что?

— Показалось знакомым, — я с трудом разжала пальцы.

Быстро оглядев фасад, я попыталась найти название улицы или номер дома. Но его нигде не было.

Стивен открыл передо мной дверь. На стене висела доска с выцветшими надписями, нацарапанными мелками — «Сегодня: пряный масала, цитрусовый улун, пирог с ревенем». Нас поприветствовал парень-бариста.

— Будешь что-нибудь? — спросил Стивен.

— Клубничный эклер.

В ушах звенело. Она была в этом районе, совсем недалеко.

Стивен расплатился у стойки и вернулся ко мне, держа в руках аккуратный эклер с тонкой глянцевой глазурью. Меня замутило. Почти бегом я вышла на улицу. Холод вечера ударил по щекам, выравнивая дыхание.

Стив вышел следом, остановился на шаг ближе, чем обычно.

— Что случилось?

— Голова чуть закружилась, уже нормально, — соврала я, принимая из его рук эклер.

Осторожно откусила. Тонкая оболочка хрупко треснула, и внутри мягко распустилась начинка — бархатно-клубничная. Теплой волной поднялся аромат. Точно такой же, какой чувствовала она.

Стивен ничего не взял. Он стоял рядом, охраняя узкую полоску тишины между нами и городом.

— Вкусный? — спросил он.

Я кивнула, проглотив.

Откусила еще, прислушиваясь к себе. Тошнота отступила. Где-то шуршали листья, и вечерний город подстраивался под мой рваный ритм сердца.

— Ты сам ничего не хочешь? — спросила я.

— Нет, — он посмотрел на мои пальцы, испачканные кремом, и улыбнулся. — Ты что-то вспомнила, да?

— Стив, подожди, — не давая ему опомниться, я рванула обратно к дверям.

Внутри было так желюдно. Бариста протирал стойку. Я навалилась всем весом на столешницу. Мама сидела здесь.

— Извините, — дыхание сбилось, — вы не помните женщину? Она была здесь... может, год-два назад? — я запнулась. Как он может помнить посетителя спустя столько времени? — Темные волосы, пила, возможно, американо, ела клубничный эклер.

Парень поднял усталый взгляд, не переставая водить тряпкой. Посмотрел как на ребенка, мешающего взрослым работать.

— Девушка, у нас в день сотни заказов. Половина из них — это американо и эклеры. А уж тем более год назад.

— Но она... она могла сидеть долго. Или писать что-то...

— Я не помню, — отрезал он, бросая тряпку в раковину. — Если она не устроила скандал и не забыла кошелек. Что-то еще?

Конечно. Для него это обычный клиент. Глупо было надеяться.

— Нет. Спасибо.

Я вернулась к Стиву.

— Отвезешь меня?

— Конечно, — он кивнул.

Машина мягко тронулась, мы ехали по пустым улицам. У моего дома он не выключил двигатель. Несколько секунд мы сидели, слушая, как вдалеке молчит город, и наблюдая, как в окнах тухнет свет.

Я наклонилась вперед и робко поцеловала его в щеку. Кожа была теплой, и я почувствовала, как он на мгновение задержал дыхание. И потом открыто улыбнулся.

В квартире царил полумрак. Дакота сидела в позе лотоса и, свернув губы трубочкой, гудела что-то себе под нос.

— Ну? — спросила она, открыв глаза. — Как все прошло?

Я сняла свитер.

— Лучше, чем ожидалось.

— Он тебя поцеловал? Ты его? — Дакота подалась вперед, глаза блестели.

Я рассмеялась, усаживаясь рядом.

— Он.

Мысли витали вокруг кафе, где когда-то сидела мама, и ее письма.

Дакота довольно кивнула, отпила чай и вдруг стала серьезнее:

— Твой первый поцелуй. Как он?

— Было хорошо.

— Лой, кстати, похоже, на полном серьезе собирается к нам позже приехать.

— И Стивен.

Дакота рассмеялась.

— Устала?

— Немного.

Чтобы отвлечься, я взяла со стола «Братьев Карамазовых» Достоевского. Сегодня я намеревалась дочитать, спрятаться от мыслей в строках.

Утро просочилось в комнату беспокойной суматохой. За окном висел серый, невесомый свет, как дымка над водой. Голова ныла глухим недосыпом.

— Не представляю, как так совпало: твоя мама и мой дядька из Гримфорда, — вернула меня в реальность Дакота.

— Связь должна быть, — я сделала глоток, и кофе обжег небо, заставив меня поморщиться.

— Ладно, надо собирать вещи, ночью выезжаем.

Я заставила себя ровно вздохнуть, проглатывая тошнотворный спазм тревоги, и начала сборы.

Вдруг я заметила на полке потертый конверт, который раньше не видела. На обороте крошечная надпись: «Гримфорд». Внутри — пустой клочок бумаги. Совершенно ничего. Я провела пальцем по листу, но скрытого послания не нашла. На всякий случай убрала в сумку к остальным письмам.

Я почти закрыла чемодан, но мое внимание привлекла мамина папка с документами. Она лежала чуть поодаль, слегка приоткрытая, хотя в прошлые дни конкретно документы я не открывала. Машинально пересчитала конверты, письма, старые справки... Сердце замерло. Больше части документов не было.

Вытряхнув содержимое на кровать, я стала судорожно перебирать бумаги, заглядывать в карманы сумки, под подушки, в ящик стола. Чемодан был почти собран, но я все равно вывернула его, проверяя каждую складку. На месте остались только письма и фотографии.

Могла ли я по рассеянности переложить их? Выбросить? Даже если бы перепутала, они бы нашлись среди вещей. Но их нигде не было. Кто стал бы искать именно эти бумаги? В квартире не было следов чужого присутствия, ничего не пропало, кроме документов. Как это вообще могло произойти?

— Дакота! — крикнула я.

Она появилась в дверях.

— Что случилось?

— Документы... Они должны быть в папке, а теперь их нет.

Дакота включилась в поиски.

— Ты уверена? — спросила она, заглядывая под кровать.

— Абсолютно. Два дня назад они точно были.

Значит, кто-то пробрался к нам и забрал их. Когда? Когда нас не было дома? Как? Ключей у владельца нет. Или я их потеряла, но забыла.

— Может, ты случайно положила их в другую сумку? — Дакота пыталась сохранять спокойствие.

— Нет, я все проверила. Их нигде нет.

Мы еще раз пересмотрели вещи, но бумаги будто растворились. Я села на кровать, уткнулась лицом в ладони.

— Мне страшно, — прошептала Дакота.

В груди похолодело.

— Радует, что мы съезжаем.

Мы сидели, не зная, что делать, прислушиваясь к мыслям.

Телефон завибрировал. Стив написал, что уже подъехал, поэтому поддаваться паранойе больше не было времени. Переглянувшись, мы продолжили упаковывать вещи.

Когда чемоданы были собраны, я еще раз проверила свои документы и аккуратно сложила их в отдельный карман, чтобы не потерять.

В голове всплыли слова из письма матери: «Доверяй себе, родная. Верь интуиции, что ведет тебя к свету». Я повторяла эту фразу как мантру, пытаюсь убедить себя, что все будет хорошо.

— Все, — сказала я, закрывая чемодан. — Идем.

Мы прошли по комнатам, проверяя, не забыли ли что-то важное. Хотя на самом деле мы прощались с домом.

На автовокзале было шумно, а в зале пахло крепким кофе, горячим тестом и смесью выхлопных газов. Люди с чемоданами сновали туда-сюда. Кто-то спешил, кто-то прощался. Стивен помог с вещами, и мы втроем отправились искать наш выход на посадку. Сердце радостно екнуло и зачастило.

— Я посмотрел по картам, вам ехать всю ночь, — отметил Стивен, проверяя маршрут в телефоне. — Приедете только к утру. Вас кто-нибудь встретит?

— Да, юрист, — отозвалась Дакота.

— Хорошо. Обязательно позвоните, когда доедете.

Мы нашли платформу. Все казалось одновременно знакомым и новым. К нам подошел Лой — с рюкзаком за спиной, в любимой ветровке и с широкой улыбкой, хотя, бьюсь об заклад, она выглядела наигранно.

— Привет, Стив, — кивнул он и обратился к нам: — Ну что, девчонки, готовы?

Он обнял нас обеих. Объятия были такими крепкими, что я начала потеть.

— Если что — я всегда на связи, — продолжил Лой, отстранившись. Он внимательно оглядел нас с Дакотой, а потом повернулся ко мне. Снова обнял, на этот раз крепче, и почти шепотом, так что слова прозвучали только для меня, сказал:

— Мирна, не вляпайся ни во что. Я постараюсь приехать через пару недель и помочь тебе во всем разобраться, а пока не лезь туда, где тебя быть не должно. Пожалуйста.

Он отпустил меня и добавил уже громче:

— И сразу звоните, что бы ни случилось.

Я заставила себя кивнуть, хотя плечи сами поползли к ушам.

По автовокзалу прокатился голос диктора:

— Объявляется посадка на рейс до Гримфорда...

Мы переглянулись. Пора.

Лой снова по-братски обнял нас, задержав меня чуть дольше. Его рука легла мне на плечо, и он тихо добавил:

— Верь себе.

По телу пошла дрожь. Как в мамином письме. Он специально это сказал? Я посмотрела на Лоя с опаской, какой раньше никогда не испытывала. Знаю ли я Лоя? У него нет родителей, он бесконечно учится и живет на стипендию. Но откуда он? Мог ли украсть документы? И зачем?

Я повернулась к Стивену. А он? Коллега, который хочет быть для меня кем-то большим. Но я не знала, откуда он, кто его родители, что у него за прошлое. Взгляд упал на Дакоту — по спине разлилось тепло. Только ее я знала от и до. Лой и Стивен ворвались в мою жизнь, и я наивно их приняла. Но что, если они появились не случайно? Я сходила с ума. Мне нужно время, чтобы разобраться, а не обвинять всех подряд.

Лой схватил Дакоту в охапку и закружил.

— Ай, ау! — она рассмеялась, хлопая его по спине.

— Не наделяй глупостей, красотка, — он щелкнул пальцами и отпустил ее.

Стивен обнял меня, провел ладонью по щеке и коротко поцеловал в губы.

— Пишите, — сказал он, отпуская. — Жду новостей.

— Ну вы даете. Уверена, без вас мы проведем от силы пару дней. И вы тут как тут, — съерничала Дакота.

Я закатила глаза.

Мы подхватили чемоданы и зашли в салон. Я обернулась — Лой подбадривающе поднял кулак, а Стивен смотрел мне в глаза. Пришлось улыбнуться.

Я устроилась в кресле у окна, стараясь не шуршать. Достала письма, оставшиеся после суеты, разложила на коленях. Дакота на соседнем сиденье уже почти растворилась в телефоне.

Самое странное письмо — на языке, который я не могла разобрать. Я искала похожие буквы, сравнивала с алфавитами. Слова с ударениями похожи на латынь, но почерк все усложнял. Бумага пожелтела, чернила местами расплылись. Писала явно не мама. Оставалось одно: вписывать слова по буквам, выискивая черточки.

Я достала ноутбук. Подсветила фонариком первую строчку. Буква «А», сомнений нет. Разгадывать по символам было легче, чем пытаться прочесть целиком. Спустя минуту на экране возникла фраза: «Amíce cáre». Что-то знакомое. Переводчик выдал: «Дорогой друг».

Кровь вскипела. Через полчаса вбила следующую строчку: «deórsum éo per sémam vét(e)ram, úbi sáxa memória grádus submíssiús quam véntor». Старательно копировала все ударения. Переводчик выдал: «вниз по старой тропинке, где уровень памяти скал ниже уровня ветра». Что-то явно не то. Следующая строка далась легче: «Aer siccus et aculeus; pox appropinquat quasi valvae lente claudentur» — «Сухой воздух и покалывание; приближается ночь, как будто клапан медленно закрывается».

Выглядело бессвязно, но ритмично. Множество ударений, странные значки... Шифр? Вбивала комбинации в поисковик, надеясь на совпадение в архивах или на форумах лингвистов. Но ссылки вели то на словари средневековой латыни, то на эзотерические паблики. На третьей странице глаз зацепился за вычурный заголовок: «Особенности латинских диалектов».

Сайт — привет из начала нулевых: серый фон, мелкий шрифт. Владелец — доктор А. А. Коржевский, «криптолингвист», как гласила подпись под размытым фото супермена. В разделе «Публикации» висели статьи о расшифровке криптограмм времен Первой мировой войны.

Я застыла, глядя на мигающий курсор в поле «Контакты». Стоит ли? Выглядело глупо и... опасно? Но это было важно. Я открыла почту

«Здравствуйте, доктор Коржевский!

Я наткнулась на ваш сайт, когда искала информацию о латинских диалектах. У меня есть текст. Пара строчек, точнее, которые не поддаются обычному переводу. Не могли бы вы взглянуть? Возможно, вы сталкивались с подобным.

Прикрепляю фрагмент: *Amíce cáre, deórsum éo per sémam vét(e)ram, úbi sáxa memória grádus submíssiús quam véntor.*

Скажите, пожалуйста, сколько будут стоить ваши услуги, если это вообще поддается расшифровке?

С уважением, мисс Эванз».

Дакота пробормотала что-то похожее на «спокойной ночи» и снова ушла в экран. Автобус мягко покачивал. В голове все еще витали строки из письма.

Не помню, когда провалилась в сон. Все смешалось: шум мотора, запах бумаги и обивки сидений. Снилось мама. Она стояла на остановке, махала рукой. Ее черты терялись в письмах, и я отчаянно пыталась их поймать, но они ускользали.

Проснулась, оттого что кто-то тряс меня за плечо. Сначала не поняла, где я, откуда шум.

— Мирн, вставай. Автобус стоит.

Я с трудом разлепила веки. Дакота стояла в проходе, нависая надо мной. Тусклый свет фонаря с улицы выхватывал ее отточенный профиль. Отовсюду доносились раздраженные голоса.

— Что случилось?

— Стоим уже минут десять. Водитель сказал, что поломка. Всех просят выйти, — глаза Дакоты отекали от недосыпа. — Дальше не поедem, пока не пришлют замену.

Я приподнялась в кресле, быстро проверила письма. Все на месте. В голове было мутно. Мы вышли в узкий проход, где уже толпились люди: кто-то злился, кто-то звонил, кто-то просто стоял, обняв рюкзак.

Дакота держалась бодро, но по тому, как она сжимала ремень сумки, было видно, что ей тоже не по себе.

— Все нормально. Сейчас пересадят, доедем.

Ночь была душной, липкой. Воздух обволакивал горячей ватой, не принося облегчения. Я сразу пожалела, что надела джинсы. Ткань неприятно липла к ногам.

К пяти утра нас отвели в маленькое придорожное кафе. Но там оказалось еще жарче. Люди хаотично расселись по столикам, не оставляя мест тем, кто не успел прийти. Я села у окна, глядя, как за стеклом медленно светает. Дакота принесла мне чашку чая.

— Ты как?

— Нормально, — ответила я.

— Стивену писала? — Дакота смотрела внимательно.

— Да. Хотел приехать, я отговорила.

— Правильно. Сами справимся.

Я облокотилась на оконную раму и закрыла глаза.

— Поверить не могу, что он снова сломался, — сквозь сон донесся незнакомый женский голос.

Я приоткрыла веки.

Напротив Дакоты устроилась девушка, бросив рядом рюкзак; она машинально заправляла за ухо растрепавшиеся после сна белоснежные пряди, и, несмотря на усталую улыбку в уголках губ, держалась весьма уверенно.

Я моргнула, смахнув остатки дремоты.

— Я Лия Аллен! — звонко объявила она, заметив, что я проснулась. — Тоже в Гримфорд?

— Я Мирна.

— Класс! — она просияла. — Твоя подруга уже ввела меня в курс дела. Будем держаться вместе!

Лия хлопнула в ладоши:

— Я вообще-то мастер по выживанию в скучных поездках. В школе постоянно ездила в лагеря.

— Часто так застреваешь в пути? — спросила Дакота.

— Почти каждое лето, — Лия пожалала плечами. — В Гримфорде всегда так. В прошлом году я вообще приехала на день позже, потому что автобус сломался посреди поля. Зато теперь знаю, как выглядит рассвет в чистом поле. Не советую, кстати, там полно комаров.

Я улыбнулась.

— Я, кстати, к бабушке, а вы?

— Мы на лето, потусить, — обобщила Дакота.

— А твоя бабушка давно живет в Гримфорде? — поинтересовалась я.

— Всю жизнь.

Она говорила легко, с внутренней свободой, и мне захотелось узнать о ней больше.

— А ты откуда? — спросила я.

— Из города побольше. Но летом всегда здесь.

— Не боишься ночью так ехать одна? — кивнула Дакота на восходящее солнце.

— Нет. Я часто езжу одна. Хотя, честно, не отказалась бы от компании.

Она посмотрела на нас так искренне и открыто, что на фоне всех событий эта дружелюбность показалась немного навязчивой.

За окном светлело, усталость накрывала все сильнее. Лия и Дакота перебрасывались фразами, легко найдя общий язык. Я клевала носом, проваливаясь в дремоту и изредка выныривая, чтобы вставить пару слов, согласиться с шуткой Лии или чем-нибудь перекусить. Только к пяти вечера объявили посадку. Мы вяло поднялись, собрали вещи. На улице палило солнце, пересыхали губы, асфальт плавился под ногами.

В салоне мы устроились вместе. Лия предложила присоединиться, и мы не были против. Она легко шутила, рассказывала истории из детства.

Автобус остановился в Гримфорде уже в темноте. Город встретил тишиной и пустотой: редкие фонари, безлюдная площадь, запах сырости и старого камня. Я глубоко вдохнула, запоминая момент.

Дакота поправила сумку. Лия огляделась и улыбнулась:

— Ну что, девчонки, добро пожаловать в Гримфорд. — В ее голосе прозвучала легкая усмешка.

Внутри поднялось тревожное, но радостное ожидание.

— Где юрист? — спросила я Дакоту.

— Писал, что будет позже, просил подойти к городской площади.

— Я знаю, где это. Давайте отведу, недалеко, — предложила Лия.

Мы двинулись по длинной улице. Ночь обступила плотно, мы шли по пустынной дороге бок о бок. Где-то вдалеке лаяла собака, звук эхом доносился до нас. Я сжала пальцы в карманах. Чем дальше, тем меньше было видно. Фонари гасли, стоило к ним подойти.

Мы остановились у перекрестка.

— Здесь так темно... Не помню, в какой стороне. Вроде направо, а нет, налево... — вслух задумалась Лия.

Дыхание перехватило. Я невольно подалась вперед, напрягая спину. В пальцах пульсировала странная дрожь, будто мышцы еще не отошли от долгого бега. И из мрака проступила единственная четкая линия — нужная дорога, уходящая в темноту.

В висках отозвался глухой пульс, и с каждым ударом становилось яснее: ноги сами выбрали направление. Я не помнила, чтобы бывала здесь раньше, но в теле не было ни тени сомнения. Только тяга идти вперед.

— Нам прямо, — спокойно указала я.

— С чего ты взяла? — напряглась Дакота.

— Я знаю.

Глава 6

Мы бесконечно брели по ночному городу. Усталость звенела в каждом движении. Хотелось завалиться на кровать, и уже неважно, в какой квартире она будет находиться. Чемоданы оттягивали руки до самой земли. Вокруг было тихо. Город будто вымер.

Дышать было невыносимо тяжело. Плотный воздух смешался с запахом жасмина и оседал где-то в груди. Асфальт отдавал накопленный жар, обжигая стопы даже через обувь.

Я шла на автомате, не глядя по сторонам. Дакота — за спиной, Лия — рядом.

— Вот и добрались, — Лия остановилась у перекрестка, откуда открывался вид на городскую площадь. — Вам налево, к стоянке такси.

Я огляделась: таксисты скучаяще курили.

— Ты точно справишься одна? — спросила Дакота, бросая сумочку на скамейку.

— Конечно, — Лия улыбнулась, доставая телефон. — Я тут местная, не заблужусь. Такси уже вызвала, — она показала экран, где ползла иконка машины. — Через пару минут буду дома.

— Зачем вызывать, если тут стоят? — я кивнула в сторону парковки.

Лия округлила глаза:

— Ты что? Местные с ними не ездят, они такую цену ставят. Ого!

Она стояла поодаль, под светом редкого фонаря. Прямые плечи, темный рюкзак. Лия держалась бодро, но пальцы свободной руки медленно перебирали ремешок рюкзака; ноготь зацепился за нитку, и она аккуратно оборвала ее не глядя.

— Спасибо, что довела, — сказала я. — Новые знакомые нам не помешают.

— Пустяки. Мне все равно было по пути, — она огляделась и добавила: — Если что, пишите. Я недалеко, да и город маленький — все равно пересечемся.

— Обязательно, — Дакота зевнула.

Подъехало такси — серебристая машина с облупившимся бампером. Лия одним махом открыла дверь и нырнула на заднее сиденье.

— Ну, пока!

Такси мягко тронулось, растворяясь в темноте.

— Я отправила смс юристу. Ждем! — громко сказала Дакота, провожая отдаляющуюся Лию.

Откуда я знала эти дороги? Очередное совпадение ударило под дых. Я потеряла виски, надеясь стереть навязчивую карту, но она загорелась в мозгу еще ярче.

К остановке медленно, с достоинством катафалка, подъехал черный, отполированный до блеска Lincoln Town Car. Фары выхватили нас из темноты, и мы на миг ослепли.

За рулем сидел пожилой мужчина в строгом костюме. Его седая борода аккуратно прикрывала губы. Глаза спотыкались только о тонкую черную оправу на носу.

Окно поползло вниз.

— Мирна Эванз и Дакота Блу?

Дакота кивнула, и он тяжело вздохнул.

— Еще позже не могли приехать? Нормальные люди приезжают днем.

Мы проигнорировали его замечание и, молча закинув вещи в багажник, сели в салон.

Нас сразу обдало ароматом дорогой кожи, впитавшей нотки табака и застоявшегося тепла.

— Моя фамилия Беннет, — представился он, не глядя на нас. — Веду дела по доверенности от семьи.

На переднем сиденье лежала папка с бумагами.

— Документы у меня, — он достал из портфеля папку. — Все как положено.

Он протянул Дакоте конверт и скрепленные листы.

— Подписи — здесь и здесь, — палец ткнул в бумагу, не терпя возражений. — Квартира ваша, поздравляю.

Дакота быстро расписалась. Мистер Беннет проверил бумаги и завел машину. Всю дорогу он ворчал, выстукивая по рулю обиду. Но мы не слушали.

Мы уже предвкушали новый день, глядя на ночной город за окнами.

Гримфорд напоминал старую открытку: узкие улицы петляли между домами с крутыми крышами, свет отбрасывал длинные пятнистые тени. Деревья вдоль главной улицы тянулись сплошным темным коридором, их кроны без остатка растворялись в небе. Горячий ветер путался в ветвях, раскачивая вывески на цепях и дробя блики в витринах закрытых лавок.

Каменный мост пересекал узкую реку. Вода в ней была черной и гладкой, лишь изредка расходясь кругами от упавших листьев.

На возвышенности терялся силуэт замка, башни врезались в самую гущу туч. Я видела его на картинках в интернете. Оторвав взгляд от башен, я стала разглядывать проплывающие мимо дома. На фасадах то и дело мелькал какой-то герб, но рассмотреть детали можно было только при свете дня.

Мы подъехали к двухэтажному многоквартирному дому. Мистер Беннет вышел, открыл дверь подъезда и жестом пригласил следовать за ним.

В темноте дом казался собранным из случайных деталей: свет выхватывал балконные перила, колонны у массивного входа и ряд почтовых ящиков. Газон сливался с асфальтом парковки, где в духоте потели машины. Я шагнула на светлую каменную дорожку, над которой в свете тусклых ламп кружили ошалелые мотыльки.

В подъезде царил затхлость, пахло деревом и сыростью. Шаги гулко отдавались по бетонным ступеням. Мы старались ступать тише, но в этом молчании каждый шаг звучал чересчур громко.

Мистер Беннет повернул ключ, дверь открылась с глухим скрипом. Он щелкнул выключателем — тусклая лампа под потолком дала желтизну, отчего углы стали еще темнее.

— Входите быстрее, — бросил он не оборачиваясь и шагнул внутрь.

Я переступила порог. Было душно. Пахло изношенной мебелью, пылью и чем-то сладковатым, как в домах, где давно не открывали окна.

Беннет быстро провел экскурсию по новым владениям Дакоты. Все было до безобразия буднично. Старая мебель, две комнатки и гостиная, совмещенная с кухней.

Единственное, что цепляло, — картинка с гербом в узком коридоре. Тем самым, что я видела на улицах. Массивный щит, замок с острыми башнями и готическими окнами. Над щитом нависал черный ворон с алыми разумными глазами. А за спиной птицы сиял лунный диск, превращая герб в мистическую печать. По коже побежали мурашки. Внизу девиз: *perha nētus*. Слова как в письмах матери.

Я шла за Беннетом, проверяя телефон. Нет ответа от криптолингвиста. Может, стоило написать, что это строки Марцелла? Голова гудела от вопросов.

— А где вещи жильца? — спросила я, пока юрист не ушел.

— Кого? — фыркнул он.

— Моего дядьки, — уточнила Дакота.

— Мне откуда знать, — он махнул рукой.

— Как это откуда? Он же жил здесь? — удивилась я, переглядываясь с Дакотой.

— Жил, не жил. Мне откуда знать? Моя работа маленькая: передать, что умер, а был он тут или нет, не мои заботы, — нервно выпалил он и добавил: — Ключи здесь.

Мужчина кинул связку на кухонный стол.

— Если что-то сломается — не звоните, квартира ваша.

Поправив очки, он вышел.

Я посмотрела на Дакоту. Она устало улыбнулась.

— Да уж.

Я прошла по комнатам. Потрескавшаяся краска на косяках, пожелтевшие выключатели, щелкающие с усилием, комки пыли на полках могли довести до апатии любого.

Дакота заглянула в спальни первой.

— Здесь нормально! — крикнула она с облегчением.

Комната, которая досталась мне, оказалась гораздо меньше, но сегодня это было уже неважно. Стоило лечь, как усталость придавила к подушке, позволив наконец расслабиться.

Яркие блики закрывали обзор. Я проваливалась в белое пространство без стен и пола — только свет, разрывающий границы сна и яви. Кто-то звал меня. Мелькали тени, одна вдруг стала отчетливее, обретая очертания человека. Я пыталась закричать, но голос застрял внутри. Силуэт медленно приближался, но чем ближе он становился, тем сильнее все расплывалось. Я снова тонула в ослепительном свете.

Проснулась резко, словно меня выдернули из глубины. Комнату уже разрезала тонкая полоска света. Я лежала, прислушиваясь к дыханию, сердце грозило выпрыгнуть наружу. Где-то поскрипывали трубы. Часы показывали половину одиннадцатого.

Я села, провела рукой по лицу. Кожа влажная, волосы прилипли ко лбу. Отдышавшись, я вышла на кухню.

Дакота сидела за столом, обхватив ладонями кружку и уставившись в газету.

— Новенькая, — хмыкнула она. — Кто-то вообще читает газеты сейчас?

— Новая? Беннет остав...

Не успев договорить, я вздрогнула. Раздался звонок в дверь.

Мы крадучись подошли к двери. На площадке стоял мужчина — низкий, сутулый, в вязаном свитере и домашних тапках. Лицо утонуло в морщинах. Выделялся только острый подбородок и губы, сжатые в тонкую линию.

Мы приоткрыли дверь — ровно настолько, чтобы видеть его, но не впускать. Сосед уставился на нас, ожидая реплик.

— Приехали, значит, — проскрежетал он. — И что вы здесь забыли?

Глава 7

Дед цедил слова с осторожностью. Его тяжелый взгляд изучал мое лицо, выискивая то ли угрозу, то ли знакомые черты.

— Вы кто такие? — спросил он, чуть наклонившись.

Внутри поднялось раздражение, но я сдержалась, глядя ему в глаза.

— Мы родственники жильца, — сказала я спокойно.

— Какого жильца? Тут давно никто не живет! Кто вы? — он закашлялся, не прикрываясь.

— Но когда-то же жил?

Он задержался на пороге — явно ждал, что мы скажем что-то еще, но, не дождавшись, фыркнул, развернулся и ушел, шаркая тапками. Дверь захлопнулась с глухим стуком, и в коридоре снова стало тихо.

Я закрыла замок, прислонилась к двери. Дакота стояла рядом с той же чашкой.

— Вот и доброе утро, — заключила я.

— Все это меня уже начинает напрягать.

Мы не стали обсуждать визит соседа — слова были лишними. В доме, где и так все чужое, проще заняться делом, чем привыкать к пространству через разговор.

Мы начали уборку с кухни, соскребая жир ножом и очищая холодильник от мумифицированных остатков еды. В гостиной смахнули с полок хлам, а в душной спальне Дакота нашла в комод записную книжку — страницы пронумерованы вручную, но внутри только цифры.

К обеду квартира изменилась: воздух стал свежее, вещи разошлись по местам. Я устала так, что руки дрожали, но в этой усталости было что-то правильное. Дакота вытерла лоб тыльной стороной ладони, посмотрела на меня и впервые за день по-настоящему улыбнулась.

— Теперь здесь можно жить, — сказала она, и я согласилась.

Дакота, в домашней футболке и с мокрыми руками, присела на край дивана. Пролистала несколько сообщений и вдруг замерла.

— Смотри, — она подняла взгляд, — здесь недалеко в кафе ищут официанта на полставки. График гибкий, берут без опыта.

Она протянула телефон. Простое объявление: адрес, описание, номер. Название резануло глаз. Тэпа. Ударение. Как в письме.

— Думаешь, стоит попробовать? — спросила я, возвращая гаджет.

— Почему нет? — Дакота пожала плечами. — Нам нужны деньги.

Мы быстро переоделись, собрали документы. Я поправила волосы, Дакота надела кеды, и мы вышли, захлопнув дверь.

На улице стояло не просто тепло, а настоящая жара. Она чувствовалась каждой клеточкой тела. Мы шли по незнакомым улицам, шурясь от солнца, которое расплавляло город.

Узкие улицы петляли между домами с темными фасадами. На дверях и ставнях виднелся герб — тот же, что я видела дома. Эти знаки встречались то на кованых воротах, то на высоких фонарях, то на каменных столбах у мостовой.

Из любого места был виден замок. Еще дальше, на горизонте, начинался густой, темный лес. Казалось, деревья подступали к самым домам, оберегая его. Вывески магазинов, булочной, антикварных лавок — все было оформлено в винтажном стиле.

На подходе мне снова бросилось в глаза название «Тэпа». Вспомнила о письме, и руки похолодели. Кафе стояло на углу, где мощеная улица делала плавный поворот к реке. Фасад выделялся: глубокий синий цвет, латунная табличка, отполированная до блеска. Над дверью висел колокольчик. Витрина украшена цветами в горшках, на стекле белой краской выведены часы работы.

Внутри царила блаженная прохлада, пахло кофе, корицей и цедрой. Кирпичные стены кое-где теряли штукатурку; полки ломились от книг и банок с печеньем. Вдоль окон тянулась лавка с подушками, а в углу, под абажуром, прятался круглый столик.

За стойкой стояла девушка лет двадцати пяти, с темными волосами в низком хвосте и глубокими янтарными глазами, в светлом фартуке с названием кафе. Она встретила нас внимательным, открытым взглядом и мягко улыбнулась.

— Добрый день, — неторопливо сказала девушка. — Что будете заказывать?

— Мы... — Дакота замялась. — На самом деле, по поводу работы. Видели объявление. Девушка кивнула, достала бланки и протянула нам.

— Заполните, пожалуйста. Вам повезло — хозяйка как раз сегодня здесь, я сейчас ее позову.

Тихий низкий голос. Она вышла из-за стойки и скрылась в глубине зала.

Мы взяли бланки, устроились у окна. Пока ждали, я рассматривала детали: на стенах висели старые фотографии Гримфорда. С тех пор он почти не изменился.

Через пару минут девушка вернулась вместе с женщиной лет сорока пяти. Идеальная осанка, волосы, убранные в строгий пучок, и очень аккуратная одежда — светлая блуза и темные брюки — лишали ее образ любых лишних деталей. Смотрела она цепко и внимательно.

— Здравствуйте, — сказала она, окинув нас быстрым взглядом. — Я Сиера. Вижу, вы уже заполнили анкеты.

Она присела напротив, пробежалась глазами по строкам.

Я объяснила, что мы только приехали, ищем работу, хотим освоиться. Дакота добавила, что опыт есть. Сиера слушала внимательно, задавала вопросы о графике, командной работе, отношении к гостям. В голосе сквозил деловой интерес.

Женщина уточнила, устраивает ли нас зарплата и часы. Выходило достаточно, чтобы здесь жить.

— Хорошо, — сказала она наконец. — Рабочий день четыре-шесть часов, оплата раз в неделю, выходные скользкие. Но есть нюанс. Мы закрываемся на плановый ремонт. Откроемся через две недели. Вы готовы ждать? Вайолет вам все покажет в понедельник, тогда и заключим договор.

Мы переглянулись. Три недели без денег — катастрофа.

— Мы... мы не уверены, что потянем финансово, — призналась я.

Сиера вздохнула, достала из кассы конверт.

— Я выпишу аванс. В счет будущих смен. Считайте это гарантией того, что вы не сбежите.

Мы переглянулись с Дакотой — она кивнула. Вайолет улыбнулась.

— Я управляющая, но исполняю пока и другие обязанности, — сказала она, протянув руку, когда Сиера попрощалась.

— Мирна, — я пожала ее ладонь.

В глазах резко потемнело, поплыли белые мушки.

— Все хорошо? — взволновано похлопала меня по плечу Дакота.

— Да, наверное, давление от жары.

— Может, хотите чего? — вежливо спросила девушка.

— Да, латте и воду, — выбрала я.

Вайолет удалилась.

Колокольчик звякнул, вошла Лия небрежной походкой. Огляделась, заметила меня:

— Привет. Не думала встретить вас здесь.

— Мы устраиваемся сюда работать. — Дакота улыбнулась.

— Рассматриваем обстановку, — добавила я.

Вайолет принесла заказ.

— Привет, мне латте с фисташковым круассаном, — попросила Лия, подходя к нам.

Вайолет без особой услужливости кивнула и пожелала нам приятного аппетита. К нам она отнеслась сносно, но стоило заговорить Лии, как в каждом жесте проступило откровенное пренебрежение. Что, конечно, настораживало.

— Кафе хорошее, — сказала Лия, не обращая внимания. — Мне нравится торчать здесь.

За окном начался дождь, прибивая пыль и принося влажную духоту. По мостовой пробежал мальчишка в ярком дождевике.

— Как вы доехали? — спросила Лия. — Все прошло нормально?

Дакота усмехнулась:

— Норм, если не считать юриста, который всю дорогу ворчал.

— А квартира? — поинтересовалась Лия. — Уже освоились?

— Квартира... — я задумалась. — Старая, но сойдет.

— Да, — добавила Дакота, — и нашли в шкафу целую коллекцию тапочек. Если понадобится, можем поделиться.

Лия легко рассмеялась.

— У моей бабушки в кладовке до сих пор хранятся все возможные тапки.

Сейчас было самое время напроситься в гости, но меня перебила Дакота:

— А что за герб чуть ли не на каждом углу?

— Герб династии Делагарди, — гордо рассказала Лия.

Читая про Гримфорд, я не находила упоминаний о том, что замок принадлежит Делагарди.

— Там реально кто-то живет? — удивилась я.

— Конечно, а какие там красавцы... — причмокнула Лия. — Загляденье. Это их город. Странно, что вы не знали этого, приезжая сюда.

— Да, странно. Я как-то и не подумала об этом. Было больше похоже на достопримечательность, — призналась Дакота.

Пользуясь случаем, я спросила:

— Слушай, в тему, у меня к тебе просьба...

Я замялась, подбирая слова.

— У тебя здесь живет бабушка? Я бы хотела с ней поговорить. Просто... у меня был знакомый в этом городе, и мне нужно узнать кое-что о нем. Твоя бабушка, кажется, давно здесь живет?

Лия внимательно посмотрела на меня, потом прищурилась и кивнула:

— Конечно, пойдем к нам вечером.

— Спасибо, — сказала я, стараясь не выдать волнения.

— А что за знакомый? Может, я его знаю? — осторожно спросила Лия.

— Да так... Он был тут давно, — ответила я, не вдаваясь в подробности.

— Понятно. Бабушка любит гостей, — заверила Лия. — Особенно если появляется свежая пара ушей для ее историй.

Вечер нагнал быстро. Мы расплатились и вышли на улицу. Лия раскрыла зонт, кивнув в сторону узкой улочки.

— Пойдем, — махнула она рукой. — Бабушка будет рада гостям.

— Идешь? — спросила я Дакоту.

— Не, я лучше схожу в магазин, закуплюсь. Расскажешь потом.

Дорога к дому Лии заняла минут десять. Дождь почти стих, с крыш капало, пахло мокрой травой и землей. Дома стояли плотно: где-то резные ставни, где-то поломанный велосипед у стены. В одном окне горела лампа.

Дом Лии представлял собой старую постройку из темно-красного кирпича, с пожарной лестницей, змейкой тянувшейся по стене. Над входом подмигивала вывеска круглосуточной прачечной.

Лифт, как назло, не работал. Пришлось подниматься пешком.

Лия толкнула дверь квартиры, выпуская наружу стойкий ванильный шлейф.

— Проходи, — сказала она. — Кухня прямо, не заблудишься.

Я вошла. Кухня оказалась просторной, с большим окном. На подоконнике — горшки с мятой и базиликом, банка с лимонами.

— Бабушки нет, — Лия заглянула в соседнюю комнату. — Наверное, у соседей. Она часто задерживается.

Она поставила чайник, достала две кружки, пригласила сесть. Я опустилась на стул. Огорчение нарастало. Ответов, видимо, я не получу.

— Я тут все детство провела. Если кто и может что-то знать о твоём знакомом, то, может, это я.

Она села напротив, подперев подбородок рукой.

— Рассказывай.

Я задумалась. Может, правда рассказать? Лия милая, мы неплохо общаемся, это шанс. Да и бабушка бы ей передала. Скрывать нет смысла.

Достала из сумки фотографию — мама с мужчиной на фоне стены. Протянула Лие.

— Это мама. Я не знаю, кто с ней рядом и где она, но это явно где-то здесь.

— Мама, значит...

Взяла фото, прищурилась, разглядывая детали. Долго молчала, водя пальцем по краю снимка.

— Это точно участок Делагарди, — подтвердила она наконец. — Видишь, ограда и рельеф стены — они только у них такие. А платье на твоей маме... Это форма служанок Делагарди, раньше все такие носили. Сейчас не знаю, их служанок вообще не встретить.

Она покачала головой.

— Маму твою я не помню, — сказала она тихо. — Но вот этот мужчина... Он из Делагарди, точно. Только он давно не появлялся в городе, не знаю, кто это именно.

Вопросов стало больше, но я хотя бы на правильном пути.

Лия поставила передо мной чашку с чаем, добавила меда. Мы замолчали. За окном стемнело окончательно, дождь усилился, и дом казался единственным местом, где можно спокойно дышать и не бояться мыслей.

— Хочешь спросить что-то еще? — нарушила молчание Лия.

— Нет, задумалась немного.

Спрашивать про неизвестный язык было рискованно.

— Понимаю. Так это твоя мама... Не помню, чтобы из Делагарди кто-то увольнялся. Никогда такого не слышала.

Мысли спутались. Мама знала этих людей, работала там и почему-то ушла. Что, если это из-за меня? Страшно даже подумать, что кто-то из этой семьи — мой отец.

— А где твоя мама?

— Она умерла.

— Прости, я не знала, соболезную. Это ужасно... — Лия осеклась. Живая мимика исчезла, оставив застывшую маску.

Мы посидели еще немного, перебрасываясь фразами о городе. Лия рассказывала о детстве, как они с бабушкой проводили лето, пекли пироги и устраивали чаепития.

— Мне, наверное, пора, — я встала. — Спасибо тебе. За все.

Лия кивнула, провожая меня.

— Если что-то понадобится — приходи. Или просто так, без повода.

Я улыбнулась, поправив ремень сумки.

— Передай бабушке привет.

— Обязательно.

Я вышла на крыльцо, вдохнула влажный воздух. Дождь почти закончился, только редкие капли падали с крыши. И я медленно пошла по мокрым плитам мимо затухающих окон. В голове звучал голос Лии. Впереди было еще много вопросов.

Телефон зазвонил. Это был Стивен — хотел узнать, как прошел день. Я коротко рассказала о встрече с Лиа. В ответ он порадовал новостью: Лой уже собирает чемоданы, и Стивен планирует присоединиться к нему, как только уладит дела. Получив порцию его стандартной заботы о моем режиме питания и сна, я сбросила вызов и свернула за угол, не глядя под ноги.

Путь преградило что-то твердое — я с размаху врезалась в чье-то плечо, жесткое, как камень. Отшатнулась, теряя равновесие. Сумка полетела вниз, я следом за ней, но меня резко дернули за локоть, возвращая на место.

Передо мной стоял высокий парень. От него веяло какой-то тяжелой свежестью. Густые темные волосы были небрежно уложены, будто он только что провел по ним рукой. А глаза... На меня смотрели очень светлые, почти прозрачные, с холодным серебристым оттенком глаза.

— Все в порядке? — спросил он, склонив голову.

— Да, — выдохнула я, чувствуя, как щеки заливает жар. — Простите.

Он улыбнулся уголком губ, взгляд стал мягче.

— Аккуратнее, — он отпустил локоть и, не дожидаясь ответа, шагнул в сторону, растворяясь в вечерней тени.

Я застыла, все еще ощущая на лбу его плечо. Сердце билось чаще обычного. Только когда шаги затихли за поворотом, я смогла выдохнуть и двинуться дальше.

Лампочка под потолком в подъезде переменчиво мигала, освещая облупленные стены. Поднявшись на этаж, я услышала знакомое ворчание — на площадке стоял тот самый сосед: сутулый, в растянутой кофте, с тростью и ворохом писем.

Он поднимался тяжело дыша и, заметив меня, громко фыркнул. Я попыталась пройти мимо, но он оступился. Одно из писем выскользнуло из его дрожащих пальцев и упало к моим ногам.

Я подняла конверт и, собираясь вернуть, замерла. Почерк был резкий, угловатый. Буквы те же, что и в письме матери. Сердце сжалось.

— Простите, а что это за язык? — спросила я, протягивая письмо.

Он выхватил конверт, словно я могла его испортить, и резко обернулся. Лицо стало еще более недовольным.

— Не твое дело, — буркнул он, оттолкнул меня плечом и заковылял к своей двери.

Он возился с ключом, потом с силой хлопнул дверью.

Я стояла, глядя на слепой глазок. Это точно те же слова. Тот же язык. Я не могла упустить этот шанс.

Подошла и настойчиво постучала. Послышалось ворчание, дверь приоткрылась, открывая половину его морщинистого лица.

— Что еще? — спросил он с раздражением.

— Что это за язык?

Он посмотрел на меня пристально, с упрямым подозрением.

— Девка невоспитанная, — пробурчал он и снова захлопнул дверь.

Я постучала громче, не давая себе времени на сомнения. Дверь снова открылась, чуть шире. Из коридора пахло лекарствами.

— Пожалуйста, скажите, что это за язык? Это очень важно. Мне правда нужно знать.

Сосед долго молчал, взвешивая, стоит ли отвечать. Потом тяжело вздохнул и оперся на трость.

— Хелион, — выплюнул он наконец.

Я хотела спросить еще, но дверь закрылась окончательно, щелкнул замок. На площадке стало тихо. Я стояла, сжимая ремень сумки. Внутри все скрутилось от волнения и странной радости. У меня появился настоящий след.

Глава 8

Всю ночь я ворочалась. Лежала в темноте, слушая ветер за окном и хлопанье дверей вдалеке, снова и снова прокручивая слова из маминого письма. Подпись — Марцелл Хелионик, язык — хелион. Что это? Интернет молчал, от доктора Коржевского вестей не было. Я вновь вернулась к письмам, начав с того, что адресовано мне.

Я встала, отлепив от спины влажную футболку, сунула ноги в кеды и выскользнула в коридор. Помутневший глазок соседской двери, похожий на бельмо, молча презирал мое присутствие.

Тихо постучав, прижалась ухом к двери.

— Простите? — негромко позвала и снова постучала. — Это Мирна, ваша соседка. Мне нужно... кое-что спросить.

Но в ответ тишина.

Вернувшись домой, я первым делом стянула футболку — воздух в комнатах стоял удушливой стеной. На кухне сидела Дакота, обхватив стакан с ледяной водой, по которому стекали капли. На ней были только джинсовые шорты и яркий неоновый топ. Волосы собраны в небрежный пучок, пряди прилипли к шее. Весь ее вид говорил о безуспешной борьбе с погодой.

— Ну что, как успехи? — спросила она, не оборачиваясь.

— Не открывает, — я опустила на табурет.

— Ну и фиг с ним. — Дакота подалась вперед, и в ее глазах блеснул хитрый огонек. — Погнались купаться?

Она пододвинула мне остывший кофе, но я проигнорировала.

— Ты перегрелась? — я скептически выгнула бровь. — Дакота, только начало лета. Вода холодная еще.

Я достала из холодильника бутылку с газированной водой. Пластик приятно охлаждал ладонь.

Дакота выпрямилась.

— Я погуглила, пока ты там стучала. Недалеко где-то в лесной зоне есть озеро. Лия говорила, что там купаются уже...

Я замерла, не донеся бутылку до рта. Имя резануло слух.

— Лия говорила? Ты с ней виделась?

Дакота запнулась.

— Ну... она звонила, предлагала прогуляться, мы разговорились. Я узнала про развлечения. Она сказала, что сейчас самое время для купания.

— Не рано?

— Мир, откуда я знаю? Говорю же, Лия сказала — тепло. Если холодно, просто посидим у воды. Ну?

Она смотрела с такой детской мольбой, что сил устраивать допрос не осталось.

— Что за озеро? — я смягчилась.

— Какое-то частное вроде, но дикое. На картах называется «Скорвикс». Давай, Мира! Пожалуйста! Если я просижу в этой духовке еще час, от меня останется лужица.

Я посмотрела в окно. Солнце заливало город безжалостным белым светом. Воздух дрожал над крышами. Мысль о прохладе была очень заманчивой. Да и сидеть в четырех стенах, гипнотизируя дверь соседа и сходя с ума от писем, смысла не было. Мне нужно проветрить голову.

— Ладно. Собирайся. Но если нас выгонят за нарушение частной собственности...

— Лия сказала, что можно! — взвизгнула Дакота и умчалась в комнату, на ходу стягивая шорты. — Вызывай такси!

Сборы напоминали эвакуацию. Я двигалась сквозь вязкий воздух, механически пере-
кладывая вещи: полотенце, свернутое в валик, крем. Смотрела на тубик и думала, как снова
ворвусь к соседу за ответами. Потирая браслет на запястье, вспоминала о Лое, о его словах
перед отъездом и о том, как мало я о нем знаю. Но мысли улетучивались так же быстро, как
приходили. Во рту пересохло, воздух давил, словно перед грозой, которая никак не может раз-
разиться. Кто бы мог подумать, что здесь так жарко.

Дакоту распирало, она не могла устоять на месте. Уже натянула свой неоновро-розовый
купальник, который на фоне выцветших обоев смотрелся инородно.

— Мира, ну ты чего зависла? — Она заглянула в комнату: уже в сандалиях, с огромной
пляжной сумкой. — Такси будет через три минуты.

— Иду, — буркнула я, затягивая шнурок на рюкзаке. — Ты уверена? Мы толком не
знаем, где это. Да и Лие я бы не рвалась доверять...

Дакота закатила глаза так картинно, что я испугалась, не застрянут ли они там.

— Ой, все. Твоя воля, ты бы никому не верила, но в этом весь смысл. В до-ве-рии. Ты
мне доверяешь?

Я доверяла Дакоте. Я бы доверила ей жизнь.

— Конечно.

— Этого достаточно. К тому же мы заслужили отдых после того, как я оттерла ту непо-
нятную жижу с подоконника.

Мы вышли в подъезд. В нос ударил запах жареного лука. Дакота скривилась и тихонько
фукнула.

На улице ждала старая серая «Тойота». Водитель, грузный мужчина с красным лицом,
даже не повернулся, когда мы сели. В салоне пахло ванильным ароматизатором, не способным
перебить запах горелого табака.

— Скорвикс? — прохрипел он.

— Да, — кивнула Дакота.

Машина тронулась с натужным рычанием. Кондиционер работал на последнем издыха-
нии, выплевывая струйки чуть прохладного воздуха.

Мы ехали по узким улочкам Гримфорда.

— Так спокойно здесь, да? — тихо спросила Дакота. Она отложила телефон и отверну-
лась к окну, растеряв все свое недавнее оживание.

— Сиеста по-гримфордски, — отозвалась я.

Мы проезжали мимо длинной кирпичной стены, увитой сухим плющом. Солнце било в
глаза, отражаясь от витрин.

Я разблокировала телефон. Сообщение от Лоя: «Все хорошо?». Быстро набрала ответ и
снова погрузилась в мысли. Несмотря на странности и тревогу, я не могла поверить, что Лой
— угроза. Интуиция молчала. Я слишком дорожу им, чтобы позволить себе усомниться.

Я лениво рассматривала трещины в асфальте, бегущие вдоль машины. Две параллель-
ные линии начали шевелиться и раздваиваться. Изгибались, сплетались в узлы, ломаясь под
неестественными углами.

Выпрямив спину, я попыталась сфокусировать взгляд. Трещины стали глубже, чернее.
Тени от столбов и деревьев удлиннились, стали чернильно-черными. Они складывались в жут-
кий ряд, переплетаясь с трещинами. Все было пугающе четко: вот этот похож на сломанный
трезубец, тот — закрученный спиралью, и третий — как глаз с рассеченным зрачком.

Они извивались, напоминая живых червей, проступающих сквозь серую кожу дороги.
Машина едва успевала уворачиваться, колеса скользили, не задевая их.

Узор впереди сомкнулся. Черви сплелись в огромный клубок, и асфальт перед капотом
провалился, образуя гигантскую яму, края которой были утыканы острыми тенями. Мы нес-
лись прямо в эту черную дыру.

Сердце споткнулось и замерло. В ушах зазвенело подобно удару огромного колокола.

— Аккуратно! — закричала я, подавшись вперед и вцепившись в спинку водительского кресла. — Тормози!

Визг тормозов резанул по ушам. Мир пошатнулся. Инерция швырнула меня вперед, и лицо с гулким, влажным звуком встретилось с жесткой обивкой переднего сиденья. Рядом сдавленно ойкнула Дакота, ударившись о мое плечо.

— Какого хрена?! — рявкнул водитель, багровея.

Я отлипла от спинки. В носу пульсировала горячая боль, а на губах мгновенно расцвел привкус железа. Теплая капля скатилась по подбородку.

Не слушая его, я рванула ручку двери и вывалилась наружу, на раскаленный асфальт. Ноги были ватными. Я ждала увидеть развернутую пасть, кишашую червями, ждала, что передние колеса уже висят над краем провала, из которого тянет могильным холодом.

Но дорога была пуста.

Серый, пыльный асфальт. Ровный. Идиотски, насмешливо ровный. Никаких извивающихся трещин, никакой пустоты. Только редкие прохожие застыли на тротуаре, глядя на меня с безразличным недоумением.

— Мир? — голос Дакоты долетел откуда-то издалека. — Что с тобой? У тебя... кровь.

Стыд обжег щеки сильнее, чем grimfordское солнце. Я стояла посреди дороги с расквашенным носом, перепачканная собственной кровью, и пялилась в пустоту, которой не было.

Я резко развернулась и нырнула обратно в душный салон машины.

— Простите, — выдавила я, вытирая кровь тыльной стороной ладони и размазывая ее по щеке. — Солнце... Бликует. Показалось... яма. Простите.

Водитель смачно выругался, сплюнул в открытое окно и с остервенением ударил по коробке передач. Машина дернулась, взревела и поползла дальше, набирая скорость.

Я откинулась назад, до боли вжимаясь лопатками в сиденье, и зажмурилась до цветных кругов перед глазами. Нужно дышать. Вдох. Выдох. Воздух со свистом входил в легкие, но кислорода не хватало. Это не может быть бесконечным совпадением. Я сжала кулаки.

Асфальт был просто асфальтом. Тени были просто теньями. Но в горле бился горячий комок, и привкус металла во рту никуда не делся. Я знала, что видела. Это не было игрой света.

Дакота зашуршала рядом, и ее теплые пальцы коснулись моего лица. Она достала влажную салфетку, пахнущую резким лимоном, и осторожно, почти невесомо, начала протирать мой подбородок.

— Может, забьем? — тихо спросила она, заглядывая мне в лицо. В ее голосе, обычно звонком и уверенном, сейчас сквозила откровенная тревога. — Давай развернемся? Поедем домой, приложишь лед...

Я открыла глаза. Салон плыл, контуры сиденья двоились, но я заставила себя сфокусироваться. Вернуться сейчас — значит, остаться наедине с письмами, дверью соседа и непониманием, что преследует меня после появления мамы. Не хочу расстраивать Дакоту, нагружать ее своим бредом. Как разберусь — расскажу.

— Нет, — голос прозвучал хрипло, но твердо. — Точно нет. Мне... показалось.

— Может, солнечный удар? — предположила Дакота, вытирая мою кожу салфеткой. — Ты почти не ела, плюс жара адская...

— Да. Перегрелась.

Я перехватила ее руку, забрала грязно-розовую салфетку и с силой стерла липкие следы под носом. Коснулась переносицы и поморщилась. Странно. Я никогда ничего не ломала. В детстве не падала с велосипедов и качелей, ничего себе не разбивала. А тут — один глупый удар о мягкую обивку, и кровь хлещет, как от удара кастетом. Это глупо и неправильно.

Я скомкала салфетку и, слегка повернув голову, уставилась на потную шею водителя. Мне нужно было окунуть голову в холодное озеро, остудить пожар внутри черепной коробки. Я молилась, чтобы вода в Скорвиксе была прохладной.

— Почти приехали, — буркнул водитель, выкручивая руль.

Машина съехала с асфальта, колеса с хрустом вгрызлись в гравий. Пейзаж за окном изменился мгновенно. Город растворился, уступая место природе. Огромные деревья стояли редко, их кроны не смыкались, пропуская колонны жесткого белого света.

Мы остановились на площадке, засыпанной серым щебнем.

— Дальше пешком, — водитель не глушил мотор. — Туда я не проеду.

Мы вышли, и нас обдало волной горячего воздуха от тут же рванувшей с места машины.

— У тебя кровь на колене, — буднично отметила Дакота, когда пыль осела.

Я опустила голову. По бледной коже голени тянулась тонкая алая полоса. Камень, вылетевший из-под колеса, оставил ссадину, похожую на царапину от кошки. Кровь собиралась в крупные капли.

— Да что это такое... — Я нервно рассмеялась. — Я сегодня магнит для увечий. Сначала нос, теперь это.

— Сегодня явно не твой день. — Дакота покачала головой и хлопнула меня по плечу. — Будешь плавать рядом со мной.

Я улыбнулась. Хотя было не до смеха.

Перед нами, возвышаясь над редкими деревьями, стоял замок Делагарди.

Отсюда его масштаб устрашал. Тяжелые стены впитали все тени Гримфорда, став чернее ночи. А бесчисленные острые шпили и башни плотно теснились друг к другу.

— Не думала, что мы будем так близко, — тихо проговорила Дакота. Ее голос прозвучал неестественно громко. — Уже не уверена, что здесь можно купаться.

Я проглотила вязкую слюну.

— Ладно, пойдем.

Мы пошли по хорошо заметной тропинке. Пахло стоячей водой и тиной. Огромные древние платаны с пятнистой корой и раскидистые ивы, свисающие до земли, создавали зеленые коридоры.

— А тут красиво, — заметила Дакота. — Как в парке Юрского периода, только без динозавров.

Деревья расступились, и мы вышли к берегу.

— Ох... твою ж... — выдохнула Дакота.

Озеро Скорвикс лежало перед нами огромным светлым зеркалом. Почти идеально круглое, словно очерченное циркулем Бога. Вода в центре сияла пронзительной бирюзой. Ближе к берегу цвет сгушался до тяжелого бутылочно-зеленого.

Берег был пуст.

— Табличек нет, — отметила я прагматично. — Ни заборов, ни запретов. Значит, можно.

Я подняла голову. Замок высился на краю скалы, массивный и неприступный. Издали он казался монолитной темной глыбой. Замок стоял достаточно далеко, чтобы не закрывать солнце, но от его подножия по склону уже ползла длинная тень, готовая вот-вот коснуться спокойной глади воды.

Я вспомнила фотографии из маминых вещей. Тот высокий мужчина с жестким взглядом. Лия говорила, он из Делагарди. Мог ли он быть там? Жил ли он еще в этой крепости? Если он действительно здесь, если этот замок связан с моей семьей, то, возможно, именно там лежат ответы на вопросы, которые мама унесла в могилу.

— Зато фоток наделаем готических, — попыталась пошутить Дакота. — Давай, не стой. Вон там, под ивой, отличное место. Подальше от... этого.

Она указала на дерево у воды, чьи ветви создавали шатер.

Я пошла за ней. Трава щекотала ноги.

Дакота скинула шорты и топ, оставшись в ярком бикини.

— Чур я первая! — взвизгнула она, отшвыривая сандалии.

Она разбежалась по песку, смешно вскидывая колени, и оттолкнулась от берега. Прыгнула «бомбочкой» и с оглушительным плеском врезалась в гладь, подняв фонтан брызг.

Я улыбнулась, щурясь. А если бы там было мелко?

Вода сомкнулась над ней, а через секунду Дакота вынырнула, отфыркиваясь и мотая головой.

— У-у-ух! — завопила она, взбивая воду вокруг себя в пену. — Мира, это не вода, это чистый кайф! Смотри, я балерина!

Она попыталась сделать пируэт, потеряла равновесие и снова с хохотом ушла в глубину, чтобы тут же вынырнуть, сияя.

— Ну чего ты там застряла? — крикнула она, убирая мокрые волосы с лица.

Я заходила в воду не спеша. Солнце жгло плечи, и от воды поднималось мягкое тепло, пока ступни приятно утопали в мелком песке.

Вода сомкнулась вокруг тела скользящим коконом. Я погрузилась глубже, по самую шею, и гравитация ослабила хватку. Дорожная пыль, липкий пот, иррациональный ужас перед трещинами на асфальте — все начало отслаиваться, растворяться в плотной бирюзе. Это было похоже на облегчение.

— Я готова жить в этом озере! — Дакота вынырнула в пяти метрах.

Я огляделась, дрейфуя на поверхности. Замок перестал быть угрожающим монстром, превратившись в мрачное произведение искусства. Впервые за день горечь в груди ослабла. Мы брызгались, Дакота пыталась изобразить синхронное плавание, и я почти забыла, зачем я здесь.

За спиной раздался шорох. Чужой. Тяжелый звук шага по мокрому песку.

Я резко обернулась. Успокоившееся сердце снова гулко ударило в ребра.

На берегу, где мы бросили вещи, стоял парень.

Глава 9

Парень возник из леса, словно сотканный из теней ив. Высокий, в черной футболке, что было преступлением в такую жару, и темных джинсах. Он стоял неподвижно, сунув руки в карманы. Ветер трепал его волосы, забрасывая некоторые пряди в глаза, но он даже не моргал. Смотрел прямо на нас. Не как обычно плятятся парни на пляже — пошло и оценивающе. Его взгляд был цепким и изучающим, он рассматривал нас со скрупулезным вниманием.

Я узнала его мгновенно. Тот парень с ночной улицы, в которого я врезалась. Помнила голос с хрипотцой и сильные руки, придерживавшие за локоть.

— Оу, — прошептала Дакота, перестав плескаться. Она хищно прищурилась и поправила мокрые волосы. — А вот и местная фауна. И такая... симпатичная.

Азарт Дакоты действовал успокаивающе, хотя внутри скребла неловкость. Меньше всего хотелось сейчас с кем-то общаться или оправдываться.

Дакота нацепила кокетливую улыбку и поплыла к берегу, не выходя из воды. Я осталась на месте.

— Привет! — звонко крикнула она. — Мы не знали, что у озера есть охрана.

Парень лениво скользнул взглядом по Дакоте, а затем уставился на меня. Уголок рта дернулся, но глаза остались холодными — пронзительно-светлыми, почти серебряными.

— Это частная территория Делагарди, — произнес он. Голос низко отразился от стволов деревьев. — Здесь запрещено плавать.

Меня обдало холодом, и озерная вода была ни при чем. Делагарди. Фамилия, которую я слышала от Лии. Фамилия, возможно, принадлежащая моему отцу.

— Упс, — Дакота ничуть не смутилась. Она оперлась локтями о дно, выгодно выгибая спину. — А нам сказали, что здесь все купаются. Никаких табличек, никаких заборов...

— Отсутствие забора — это не приглашение. — Он сделал шаг к кромке воды. Я отгребла назад. — Это проверка на инстинкт самосохранения. И вы ее провалили.

— Мы не знали, — твердо ответила я, глядя ему в глаза. — Сейчас уйдем.

— Уйдете? — Он склонил голову набок, изучая мое лицо с хирургической внимательностью. Словно искал что-то знакомое. — Так быстро сдаетесь? А я уж решил, что у вас хватит наглости остаться.

— О, наглости у нас хоть отбавляй, — тут же отозвалась Дакота.

Она широко улыбнулась. И лениво поплыла в его сторону, сокращая дистанцию.

— Мы просто не хотели навязываться, — промурлыкала она, глядя из-под мокрых ресниц. — Но раз уж нас не прогоняют... Может, присоединишься? Вода отличная.

Я едва сдержала стон. Серьезно? Она флиртует с парнем, который только что намекнул, что мы вторглись на территорию, где не любят чужаков?

Хотелось схватить Дакоту за руку, зажать рот и потащить к берегу, пока этот странный тип не решил поиграть в кошки-мышки. Его пронизывающий взгляд не предвещал ничего хорошего. Я точно не знала, кто такие Делагарди и насколько они опасны, но интуиция подсказывала: от них нужно держаться подальше. Желательно, на другом конце континента.

— Дакота, — процедила я. — Нам, наверное, пора.

И тут до меня дошло, как именно придется уходить.

Наши вещи: полотенца, шорты, футболки — валялись на берегу за спиной этого парня. Чтобы добраться до них, нужно выйти из озера. Пройти мимо в мокром, липнущем к телу купальнике под его пристальным взглядом. Меня передернуло. Я чувствовала себя голой и незащищенной мишенью в тире. Он ведь не отвернется. Будет смотреть. И, вероятно, даже с тем же изучающим спокойствием, с которым рассматривал сейчас. От этого становилось еще хуже.

Я замерла, не решаясь сделать шаг. Вода, казавшаяся раньше теплой, теперь неприятно холодила кожу.

Парень усмехнулся и потянул край футболки вверх. Быстрым движением стянул ткань, обнажая бледную кожу и четкий рельеф мышц. Швырнул футболку на траву рядом с моим рюкзаком.

— По правилам здесь нельзя плавать, — сказал он, расстегивая ремень. Говорил мне, игнорируя кокетливые позы Дакоты. — Но правила — это скучно, верно?

Джинсы упали на песок. Он остался в темных боксерах и двинулся к воде. Входил, разрезая гладь как кинжал, без единого всплеска. Вода послушно сомкнулась вокруг его тела. И он исчез в глубине.

— Охренеть, — выдохнула Дакота, повернувшись ко мне с круглыми глазами.

Игривость подружки как ветром сдуло. Она резко оттолкнулась от дна и быстрыми гребками направилась ко мне.

Озеро молчало. Гладкая поверхность даже не дрожала там, где он исчез. Секунда, две. Его нигде не было, и сердце нырнуло глубже, в желудок. Я нахмурилась, вглядываясь по сторонам. Но недолго.

Вода рядом всколыхнулась, пространство взорвалось беззвучным движением. Он вынырнул настолько близко, что я увидела капли на длинных ресницах и почувствовала тепло его кожи. Перед глазами, заслоняя небо, оказалось его лицо. Серебристые глаза смотрели в упор, пробирая до костей.

— Арден, — представился он, откидывая мокрые волосы с лица.

— Дакота, — отозвалась подружка, подгребая к нам. — А это Мирна. Мы тут на лето. А ты, значит, из замка?

Арден не посмотрел на нее. Его холодные глаза были прикованы к моему лицу: скользнули по ссадине, задержались на губах.

— Мирна, — повторил он, пробуя имя на вкус. — Редкое имя.

— Обычное, — буркнула я, чувствуя себя загнанной в угол. Хотелось спрятаться под воду, но я не отвела взгляд. — Мы не хотели нарушать границы.

Он вдруг улыбнулся. Это на секунду сделало его лицо мальчишеским, разрушив мою оторопь.

— Откуда вы? Не похожи на местных.

— Мы недавно приехали, — вклинилась Дакота, брызнув на него водой. — Решили разбавить вашу серость. А ты что, типа местного надзирателя?

Дакота играла с огнем, но это лучше, чем если бы мне пришлось вести диалог.

Арден удостоил ее снисходительного взгляда.

— Скорее, спасатель. — Он снова посмотрел на меня, голос стал тише. — Не стоит заплывать так далеко. Это озеро обманчиво. Только расслабишься — и дна под ногами уже нет.

— Мы умеем плавать, — я вскинула подбородок, принимая вызов.

— Не сомневаюсь, — он подмигнул. — Но самоуверенность в воде — плохой спасательный жилет.

Он подался вперед, нарушая хрупкую границу.

— У тебя мурашки, — заметил он, кивнув на мои плечи.

Воздух застрял в легких. Я метнула взгляд на Дакоту, умоляя вмешаться. Но она лишь закусила губу, наблюдая с жадным интересом. Для нее это была сцена из мелодрамы.

Арден выбил меня из равновесия одной фразой. От его близости, от всезнающего тона щеки запылали. Хотелось оттолкнуть его и одновременно — замереть, не спугнуть этот электрический момент. Казалось, я была настолько прозрачной для него, что он видел не только мурашки, но и пульс в висках.

Его взгляд скользнул вниз, к моей руке под водой.

— Интересная безделушка, — заметил он, не поднимая глаз.

— Это просто украшение, — я прижала руку к груди.

— Разумеется. — Арден усмехнулся, и у меня пересохло в горле.

Он задержал взгляд, обернулся к Дакоте, кивнул и резко оттолкнулся, мощным гребком разворачиваясь к замку.

— Хорошего дня, леди, — бросил он, выходя из воды. Вода стекала с него ручьями, но он даже не отряхнулся. Подхватил джинсы и футболку одной рукой, сгреб кроссовки за шнурки и, не оборачиваясь, босиком направился к лесу. — Еще увидимся!

Мы остались качаться на волнах, поднятых его движениями.

— Ну ничего себе, — протянула Дакота, провожая его взглядом. — И что это было?

— Не знаю, — выдохнула я, качая головой.

Его мокрая кожа блестела на солнце, мышцы спины перекачивались при каждом шаге. Он уходил так же, как и появился — уверенно, с полным пониманием, что это озеро и воздух вокруг принадлежат ему. Я смотрела, пока он не скрылся за деревьями.

— Ты видела его тело? — выдохнула Дакота. — Это же просто бог...

Я молчала, глядя на пустой берег.

Делагарди. Был ли он одним из них? Темные волосы, бледная кожа, эта странная, давящая аура власти...

— «Еще увидимся», говорит, — протянула Дакота с наигранной обидой. — Явно не мне это было сказано.

Кожу покалывало. Это не звучало как флирт. Это звучало как предупреждение.

— Перестань, — фыркнула я, пытаюсь стряхнуть наваждение.

— Я серьезно! — Дакота повернулась ко мне. — Меня просто не было рядом. Я для него была как... как водоросль. А вот ты...

— Думаешь, он из Делагарди? — перебила я, озвучивая главную догадку.

Дакота задумалась, перестав улыбаться.

— Вполне похож. Мрачный, красивый, хозяйничает тут...

— Да уж. — Я нервно усмехнулась, вспоминая наш странный диалог. — И это нелепое замечание про мое имя. «Редкое». Серьезно? Его имя куда более редкое и странное. Арден.

Дакота раскатисто рассмеялась, эхо разнеслось над притихшим озером.

Мы постояли, глядя на пустой берег, ожидая, что Арден вернется или из кустов выпрыгнет кто-то еще. Но все вокруг молчало, только рябь на воде напоминала, что мы здесь были не одни.

— Ладно, — Дакота первой нарушила оцепенение. Она тряхнула волосами, обдавая меня веером брызг. — Шоу окончено. Пошли, пока нас действительно не выгнали.

Лия солгала или специально отправила нас сюда? Зачем?

Выбираться на сушу было неприятно. После обволакивающей воды воздух казался горячим и сухим. Мокрый купальник прилип к телу, стягивая кожу.

— Ты видела, как он двигался? — не унималась она, пока мы брели по тропинке обратно к дороге.

— Много о себе возомнил, — бросила я, поправляя лямку рюкзака.

Солнце уже клонилось к закату, заливая улицы Гримфорда густым медовым светом, от которого длинные тени деревьев казались черными провалами в асфальте.

Дакота шла рядом, легко подпнывая камешки, и ее энергии, казалось, хватило бы на то, чтобы осветить весь этот сонный город.

— Ну признайся, — она толкнула меня локтем. — У тебя коленки дрожали не от страха.

— Ничего у меня не дрожало, — соврала я, стараясь не встречаться с ней взглядом. — Да и вода не такая теплая была.

— В плюс тридцать? — Дакота закатила глаза. — Мирна, не будь занудой. Он смотрел на тебя так, будто хотел съесть. И, по-моему, ты была не против стать ужином.

Мы уже подходили к нашему дому, и Дакота спрятала телефон с гугл-картой в сумку.

— Он смотрел на меня как маньяк, — отрезала я, открывая тяжелую дверь подъезда. В нос ударил запах краски.

— Ага, — мечтательно протянула Дакота, пропуская меня вперед к лестнице. — Красивый, богатый, живет в замке. Идеальный вариант. Герой твоего романа.

Я лишь фыркнула, не желая продолжать этот разговор. Потому что где-то в глубине души, там, куда я старалась не заглядывать, я понимала: он сумел меня заинтересовать.

Первым делом я направилась в ванную. Мне необходимо было смыть озерную воду, липкий пот и пыль. Под струями горячей воды я терла плечи мочалкой до красноты. Хотелось верить, что вместе с грязью в водосток уйдут мысли и вопросы без ответов.

Когда я вышла, переодевшись в футболку, Дакота уже оккупировала диван. Она сидела с ноутбуком на коленях и быстро печатала. Экран отбрасывал на лицо голубоватый отсвет.

— Гуглишь Делагарди? — спросила я, вытирая волосы.

— Пытаюсь, — она нахмурилась. — Но тут такой интернет, что быстрее будет голубиной почтой.

— Я ничего толкового не нашла. Хотя странно, у них же такие владения.

Июнь медленно стекал в унитаз. Невыносимая жара расплавляла нас. Аванс от Сиеры позволял не умирать с голоду, но не мог купить прохладу или ответы. Вентилятор из комиссии гонял горячий воздух, создавая иллюзию ветра. Дакота изнывала.

Она валялась на полу, вскакивала, перебирала вещи, снова ложилась.

— Я больше не могу, — простонала она, свисая с дивана вниз головой. Волосы мели пол. — Пойдем проветримся. Я видела афишу в кино. Показывают старые ужастики. Ну, Мир!

Я сидела на полу, прислонившись спиной к раскаленной стене, и в сотый раз перекладывала письма. Искала закономерность в датах, в почерке. Я нашла четырех криптологов, но два не ответили, а другие два отказались.

— Не хочу, Ди. Там жарко, людно, и я... я почти нащупала нить.

— Ты щупаешь, но ничего не нащупаешь! — Дакота отбросила журнал. — Мы торчим здесь сутками. Ты пялишься в эту бумагу, а я скоро начну разговаривать сама с собой. Пошли!

— Иди одна. — Я не поднимала глаз. — Мне нужно разобраться. Я не могу смотреть кино, когда ответы по соседству!

— Ну и пойду! — Дакота вскочила. — Лия хотя бы умеет веселиться. Позвоню ей, и мы пойдем без тебя.

Она схватила телефон и яростно затыкала пальцем в экран. Из другой комнаты ее не было слышно. Вернулась через минуту, швырнув телефон на кресло.

— Вот черт.

— Что такое? — Я подняла голову.

— Не отвечает. Прислала смс, что срочно уехала к какой-то тете. Круто. Подставила нас на озере, а теперь свалила.

Виски неприятно сдавило. Как отвлечься, если все мысли об этих письмах?

Пришло сообщение от Лоя. Я надеялась, что он напишет время прибытия, но на экране высветилось сухое: «Прости, завал. На этой неделе никак. Не скучайте».

Ну и ладно.

Я осталась наедине со своей одержимостью.

В следующие дни моей мишенью стала дверь напротив. Я превратилась в призрака подъезда. Приходила к соседу каждый день. Стучала, стояла вечерами, пялилась в глазок своей квартиры, выжидая, пока по ту сторону кто-нибудь мелькнет. Проходил кто угодно, но не этот чертов дед.

Я начала писать записки. Сначала вежливые, потом отчаянные. Оставляла их под дверью и ждала.

Изоляция доводила до желания согласиться на прогулку с Дакотой. Но я набрала Стивону. Нужно было, чтобы кто-то сказал, что я делаю все верно. Дакота смирилась с моим поведением, и толку от ее советов было немного.

— Стив, ты не поверишь, — зашептала я в трубку, сидя в темноте кухни. — У меня тут сосед есть... Он старый, но он что-то знает. Я уже который день пытаюсь с ним поговорить, а он игнорит...

— Мирна, — его голос оборвал меня.

Я осеклась.

— Стив?

— Слушай, я только со смены. Голова раскалывается, Оливии сегодня не было, кофемашина сломалась. Такой ор стоял. Я так устал. Просто дико. Не получится приехать пока.

— Прости, — пробормотала я, внутри что-то сжалось. — Я...

— Ты сама выбрала уехать. Могла дожидаться меня, и мы бы поехали. Я не могу решать твои загадки, я правда устал. Давай поговорим, когда будет что-то... реальное. Ладно? Я спать.

Он повесил трубку. Его слова буквально размазали меня.

Я разонравилась ему, или он так сильно устал? Хотя я тоже хороша, звоню как параноик и несущую чушь.

Продолжать осаду становилось тяжелее. Дакота рассказывала, что видела соседа в магазине, но он пнул ее в колено и ушел. Класс.

Она ввалилась в комнату.

— Я нашла бар, — рассказывала Ди, стягивая босоножки и массируя ступни. — Называется «Ума».

Она запрыгнула на диван, укладывая на меня ноги.

— Ты ходила туда одна? — Я нахмурилась.

— А с кем мне идти? С тобой? Ты же не хочешь, — фыркнула она, зашевелив пальцами ног. — Ну пожмякай.

Я взялась за ее ступню и начала разминать, как кусок теста — глубоко вдавливая пальцы в подъем и растирая пятку. Дакота застонала.

— Парни тут отстой.

Через полторы недели, когда жара немного спала, уступив место душным сумеркам, я снова услышала шорох за стеной. Едва слышный шаркающий звук тапочек. Звон ложки о стакан.

Он был там.

Я резко вскочила с дивана. Хватит записок.

— Ты куда? — Дакота подняла голову, заметив, что я обуваюсь.

— К соседу. — Я затащила шнурки.

В коридоре было темно. Лампочка мигала, грозясь перегореть в любую секунду, и отбрасывала дерганные тени на облупленные стены.

Собираясь с духом, я постучала. Три раза. Тишина. Подождала пару секунд и постучала снова, сильнее, так что костяшкам стало больно.

— Я знаю, что вы там, — сказала я громко, снова чувствуя себя полной идиоткой. — Пожалуйста, откройте. Мне нужно поговорить. У меня есть письмо...

Упрямый дед.

За дверью что-то грохнуло. Потом послышалось шарканье, тяжелое дыхание и лязг металла. Замки щелкали один за другим, я насчитала как минимум четыре оборота.

Дверь приоткрылась на пару сантиметров. Из темноты на меня глянул один глаз — выцветший, окруженный сеткой глубоких морщин.

— Как же ты надоела... — проскрипел голос, похожий на звук рвущейся бумаги. Старик сплюнул в сторону, но дверь распахнул чуть шире, хватая меня сухой, цепкой рукой. — Заходи быстрее. И тихо!

Меня втянуло внутрь. Жилистая рука старика оказалась сильной. Он дернул меня так резко, что я споткнулась о высокий деревянный порог, налетев плечом на вешалку. Не успела я восстановить равновесие и набрать в грудь воздуха для возмущения, как дверь захлопнулась.

Тут же началась лихорадочная, почти маниакальная возня с затворами. С каждым щелчком безопасная лестничная клетка с мигающей лампочкой становилась все дальше, а Дакота, сидящая за стеной с ноутбуком, казалась теперь недостижимой.

Спину обдало холодом. Чем я думала, приходя сюда? Да еще и одна. Если он решит меня здесь оставить — никто не услышит крика. Я добровольно шагнула в мышеловку.

В нос ударил густой запах чего-то кислого.

— Обувь снимай. Нечего тут грязь развозить.

Квартира напоминала нору крота-накопителя. Узкий коридор заставлен стопками газет, перевязанных бечевкой, коробками, сломанными стульями.

Отступать было поздно и бессмысленно. Я сняла обувь и оглядела замки, формируя в голове запасной план побега.

— Ну? — он протянул руку, но не коснулся меня. — Что там у тебя?

Я сунула руку в карман, но доставать письмо целиком не стала.

— Мне нужна ваша помощь, — произнесла я, следя за его реакцией.

Он отвернулся, неразборчиво ворча что-то себе под нос. Не глядя на меня, махнул костлявой рукой, приглашая вглубь квартиры.

— Вот дурная девка, — бубнил он. — Одна проблема.

Я двинулась следом, ступая осторожно. Пол скрипел и прогибался, линолеум стерт до дыр, обнажая черные доски.

Мы вышли на кухню. Старик отодвинул ногой табуретку, освобождая мне место, а сам прислонился к подоконнику и скрестил руки.

— Пить что будешь? — он уставился на меня единственным видящим глазом.

Я присела, стараясь не задеть валяющиеся на полу газеты, книги, банки.

— Ничего, спасибо. — И, не теряя времени, рискнула: — Что такое хелион?

— О, Матерь Божья! — выдохнул он с раздражением.

Резко отвернулся и шаркающей, но удивительно быстрой походкой метнулся к тумбе. Приоткрыл дверцу на пару сантиметров, загораживая обзор спиной — он явно боялся, что я увижу содержимое тайника.

Старик затравленно оглянулся через плечо и ловко выудил из недр шкафчика свернутый в тугой комок лист.

— А ты вообще кто такая? — Он повернулся, прижимая к груди бумагу.

Глаза тонули в нахмуренных кустистых седых бровях.

Стоило ли говорить правду? Точно нет. Но если я стану скрывать, он ничего не скажет или, того хуже, уличит в шпионаже. Мне нужна помощь, а значит, придется рискнуть.

— Меня зовут Мирна Эванз, — я старалась звучать спокойно. Пожала плечами, изображая беззаботность. — Я приехала сюда с подругой. Ей здесь квартира в наследство досталась.

— Эй, какая еще квартира?

— Напротив, — я кивнула в сторону коридора. — Двенадцатая.

Он прищурился, переваривая информацию, но промолчал.

— У меня есть письмо, — я сделала паузу. — И там... там такие же символы, как на том листе, что вы уронили...

Я вытащила сложенный лист так, чтобы видны были только верхние строчки.

— Я бы хотела узнать, что это за язык. И как его прочитать. Мне ничего от вас не нужно. Просто хочу понять, что там написано. Это важно.

— Хелион, — выдохнул он, глядя на мои руки. — Язык Первых.

Глава 10

Он отлип от тумбы и сделал шаг ко мне. Я напряглась, готовая отступить, но в его движениях улавливалась, скорее, лихорадочная решимость.

— Смотри, — он разжал кулак, который все это время держал у груди.

Протянул мне скомканный лист. Бумага была старая, затертая на сгибах до дыр. Я склонилась ближе, воздух застрял в горле.

На сером грязном листе были выведены те же символы. Угловатые, резкие, с ударениями.

— Откуда это у вас? — спросила я, поднимая взгляд.

— Сюзи отдала, — в глазах блеснула тоска. — Они знают, что записи пропали, и могут найти их. Не показывай им свое.

Два текста — один старый и жалкий, другой свежий, написанный твердой рукой, — легли рядом, как части одной головоломки.

Старик схватил мое письмо и жестко ткнул краем бумаги мне в грудь. Затем втянул воздух сквозь зубы и провел узловатым пальцем по строчкам, не касаясь бумаги.

— Чистый хелион, — пробормотал он с благоговением. — Грамматика... синтаксис... Это не копия. Оригинал.

В голове смешались заготовленные вопросы и новые.

— Вы можете это перевести?

Он покачал головой, плечи поникли.

— Я? — из него вырвался короткий смешок, больше похожий на кашель. — Знаю пару фраз. Обрывки. То, что запомнил, пока книги были доступны. Но читать такое... Нет.

— Почему? — Я прикусила язык, чтобы не рывкнуть. — Где словари? Учебники?

— У них, — он ткнул кривым пальцем в окно, где чернел замок. — В библиотеке Делагарди. Они забрали все. Каждую книгу, каждый свиток. Сказали, что для сохранности.

— Они знают, что письма пропали? — Грудь сдавило. Если Делагарди контролируют каждый клочок бумаги, мое письмо для них как красная тряпка.

Дед закричал, будто внутри у него закричали старые шестеренки. Выхватил листок у меня из-под носа, метнулся к тумбочке и спрятал обратно в недра шкафа, захлопнув дверцу ногой. Затем тяжело опустился на шаткий табурет, обхватив голову руками.

— Они все знают, — пробормотал он, раскачиваясь из стороны в сторону. — И тебя, Мирна Эванз, они знают. Сюзи тоже хотела узнать.

Я напряглась.

— Кто такая Сюзи? — осторожно спросила я, боясь спугнуть его откровение. — Где мне ее искать?

Только бы она была жива.

Дед молчал. Он смотрел в одну точку на грязном полу и что-то быстро нашептывал. Он не выглядел как шпион Делагарди или подкупной информатор. Он выглядел как сломленный человек, параноик, которого этот город пережевал и выплюнул. Но он знал. Больше, чем кто-либо, кого я встретила за эти дни. И это было начало пути.

Я решила. Медленно, стараясь не делать резких движений, достала из кармана фотографию.

— Посмотрите, — тихо сказала я, протягивая ему снимок. — Вы узнаете ее? Это Сюзи?

Он поднял мутный взгляд, скользнул по глянцевой поверхности фотокарточки и вдруг замер.

— Сюзи... — выдохнул он. — Нет, конечно.

Он ткнул дрожащим пальцем в мужчину на фото, того самого, чье лицо было смазано.

— Лоэрт. Ты знаешь, кто это?

— Нет. Кто?

Вместо ответа он вскочил с табурета, опрокинув его с грохотом, и замахал на меня руками.

— Уходи! — закричал он, брызжа слюной. — Уходи и не возвращайся!

— Но подождите! — я попыталась его успокоить, упираясь ногами в пол, но он уже толкал меня в спину, к выходу из кухни. — Рядом моя мама, она жила здесь! Пожалуйста!

Старик вдруг замер, тяжело дыша. Он посмотрел на меня с раздражением, смешанным с усталостью.

— Не знаю я ее.

— А квартира? — быстро спросила я, пользуясь заминкой. — Кто там жил? Вы говорили...

— Никто! — рявкнул он, еще раз толкнув меня к коридору. — Пустая стояла! А потом пришел он. Светлый.

Я вцепилась рукой в косяк двери. Сердце кувыркнулось. Лой был светловолосым.

— Светлый? — переспросила я, и ладони похолодели. — Блондин? Высокий?

— Да. Вежливый, ходил там, что-то проверял. Я через глазок смотрел.

Пол качнулся. Подозрение сжало горло. Я достала телефон, разблокировала экран и открыла галерею. Нашла фото Лоя — он улыбался рядом с Дакотой, стоя перед кустами.

— Он? — я сунула экран под нос старику.

Он прищурился, вглядываясь, и решительно мотнул головой.

— Не он! Тот другой был. Глаза другие.

Я слистнула влево. Фото Стивена. Золотисто-рыжие волосы, серьезный взгляд.

— Этот?

— Нет! — Он окончательно потерял терпение, схватил меня за плечо и потащил к входной двери. — Не дури мне головы своими картинками! Уходи!

Дверь распахнулась, и меня вытолкнули на лестничную площадку.

— Не делай дурных поступков, — прошипел он мне в ухо напоследок, пока лязгали замки. — И держись подальше от них.

Дверь захлопнулась перед моим носом.

Я осталась стоять в темном коридоре, сжимая в одной руке письмо, а в другой — фотографию мамы и человека по имени Лоэрт.

Напряжение спало, уступив место облегчению, смешанному с уколом вины. Я была готова поверить в предательство Лоя, который всегда находился рядом, который понимал меня без слов. Была готова заподозрить Стивена, который даже намек не оставлял на предательство. Всего пара слов безумного старика — и я уже мысленно записала своих единственных друзей во враги.

Мне стало физически противно от самой себя. Этот город с его тайнами и недомолвками уже начал отравлять меня, превращая в параноика, шарахающегося от собственной тени. Я искала подвох везде, где только могла найти.

Прислонившись спиной к стене около двери старика, я прикрыла глаза. Но тогда... кто этот таинственный «светлый», который проверял квартиру перед приездом? И почему старик так испугался Лоэрта?

— Отлично, Мирна, — прошептала я в пустоту. — Просто отлично. Вопросов стало только больше.

Библиотека Делагарди. Все сходилось в одной точке. Я развернулась лбом к стене, пытаюсь унять поток мыслей. Безумие. Делагарди прятали книги. Зачем? И я, Мирна Эванз, девочка с поддельным спокойствием и кучей вопросов, собиралась... что? Вломиться туда? Попрошиться на экскурсию? Туда, где меня, скорее всего, не ждут. Или, наоборот, где мое появление запланировано — ведь дед сказал, что они знают меня. Или это бред параноика?

Но другого пути не было. Письмо в кармане кололо бедро, требуя быть прочитанным. Если я хочу узнать правду о маме и о том, что здесь происходит, мне придется туда попасть. И желательно — начать находить ответы.

Я вернулась в гостиную и без сил рухнула в кресло.

— Ну? — Дакота отложила телефон.

— Увидел мужчину на фото и вытолкал меня. Но успел назвать имя — Лоэрт. А про язык сказал, что словари есть только в библиотеке Делагарди.

Я продолжила:

— И самое паршивое: дед утверждает, что квартира стояла пустой, но перед нашим приездом приходил какой-то парень. С проверкой.

Дакота напряглась, медленно оглядывая комнату, словно искала скрытые камеры. Уютные обои и книги вдруг показались декорацией.

— Слишком много совпадений, — процедила она. — Наследство, Лоэрт, слежка... Придется напроситься в гости к этим Делагарди.

— Каким образом? Постучимся?

— Используем твоего красавчика с озера, — она хищно улыбнулась. — Завтра же напомним ему о нас.

В спальне я плотно прикрыла дверь.

Черт... Как же хотелось разгадать все загадки сразу. Я разблокировала телефон, обновила почту. От Коржевского ни слова. Подавив разочарование, я набрала сообщение:

«Добрый день, мистер Коржевский. Это Мирна Эванз, надеюсь, мое письмо не затерялось?»

Стоило голове коснуться подушки, как реальность поплыла, растворяясь в душном мареве, и я провалилась в темноту.

В нос ударил запах оплывшего воска и сырого камня. Холод пробирался под кожу, вгрызаясь в позвоночник, будто я лежала не на матрасе, а на ледяных плитах подвала. Я открыла глаза.

Комната была той же, но из окна дул прохладный ветер, заноса пух. Загорелся тусклый дрожащий свет. Звуки исчезли в тишине.

Комната расплылась: в углу вместо комода возник массивный деревянный стол. За ним спиной ко мне сидел человек. Парень. Ни окон, ни дверей — я торчала в коробке вместе с ним.

— Эй, кто вы? — эхо разлетелось по пространству.

Я знала, что должна подойти. Это был приказ, звучащий в подкорке. Я сделала шаг, и легкий ветерок скользнул по бедрам. Боже... На мне не было одежды. Я голая. Абсолютно голая перед этим парнем. Горло сдавило комом стыда и паники. Я рефлекторно потянулась назад, пытаясь нащупать одеяло, но пальцы схватили лишь пустоту.

Я обернулась к фигуре. Он никуда не исчез. На нем тоже не было одежды, но его нагота выглядела иначе. Широкая спина исполосована алыми воспаленными ссадинами, словно с него методично сдирали кожу. Он сидел неподвижно. Двигалась только правая рука. Изящными пальцами он сжимал перо. Из-под острого кончика на бумагу ложилось жидкое золото.

Оно вспыхивало, выжигая глаза. Прикрываясь рукой, я подошла почти вплотную. Символы. Те же — угловатые, резкие. Хелион. Они сплетались в вязь, пульсировали. Я прищурилась, пытаясь выхватить смысл.

Рука замерла. Перо зависло, роняя тяжелую золотую каплю. Он знал, что я здесь. Медленно начал поворачивать голову. Я увидела сторону жесткого профиля.

«Рано», — губы не шевелились, голос прозвучал в голове.

Золотая капля сорвалась, ударилась о бумагу и вспыхнула ослепительным светом. Я закричала. Свет бил в глаза. Я побежала во тьму, все залило жаром, и я упала, ударившись бедром о твердый пол.

— Мирна!

Я подскочила на кровати, жадно хватая воздух. Перед глазами плясали оранжевые пятна.

В комнате было душно. В дверях стояла Дакота — одетая, с телефоном. В глаза лупил свет — обычный, электрический.

— Ты чего орешь?

Я ошалело огляделась. Комод был на месте. Стола не наблюдалось. Но запах воска и сырости все еще стоял в носу, такой реальный, что меня начало мутить.

— Э... — голос хрипел. — Кошмар.

— Вставай уже, — перебила Дакота, кидая мне на кровать джинсы. — А то опоздаем на первый рабочий день.

Я провела ладонью по лицу, стирая пот. Это был сон?

Утро в Гримфорде наступило не с рассветом, а с ощущением горячей ладони, накрывшей город. Солнце еще не поднялось высоко, но воздух уже пропитался духотой, предвещающей долгий, изматывающий день. Асфальт не остывал даже ночью, продолжая источать вонь, и теперь превращал улицы в гигантскую пароварку.

Я толкнула дверь кафе «Тéпа», в очередной раз напомнив себе узнать, что значит это название. Внутри шумели кофемашины, а кондиционер работал на пределе, почти не справляясь с духотой. Ступни все еще помнили ледяной пол из сна — странный контраст после раскаленного уличного асфальта. Да и кофейный аромат не спасал: мне казалось, что запах старого воска намертво въелся в волосы.

За стойкой стояла Вайолет. Она механически кивнула и протянула стопку униформы с договором. Мы подписали, все было точно как заверила Сиера. Я приняла светло-зеленую форму.

Натянула фартук, пахнувший дешевым порошком, завязала пояс и встала за стойку, стараясь не думать о странном электрическом разряде. Тело двигалось на автомате: принять заказ, выбить чек, передать Дакоте, улыбнуться. Улыбка давалась труднее всего.

Дверной колокольчик зазвенел. Резко и требовательно. Я подняла голову.

В кафе вошла Лия.

Она выглядела возмутительно бодро на фоне красных лиц посетителей. Легкое платье в мелкий цветочек, улыбка из смеси детской наивности и беззаботности. Но я помнила про озеро. И теперь у меня возникла пара вопросов к ее осведомленности.

Лия помахала мне рукой и направилась к стойке, игнорируя очередь.

— Приве-е-ет! — протянула она, опираясь локтями на дерево. — Как первый рабочий день? Выживаете?

Я медленно выдохнула. Сейчас не время и не место, но... Я наклонилась к ней, понизив голос до шепота.

— Нам нужно поговорить.

Лия удивленно моргнула. Улыбка стала натянутой.

— Оу. Что-то случилось?

— Ты знала, чье это озеро. — Взгляд впился в ее лицо. — Ты знала, что это частная территория.

Лия округлила глаза. Жест был настолько театральным, что мне захотелось аплодировать.

— Озеро? Скорвикс? — Она нервно хихикнула. — Мирна, ты о чем? Там все купаются! Местные... иногда. Я думала, оно общее.

— Там был парень, — процедила я, впиваясь ногтями в ладони. — Он ясно дал понять, что мы нарушили границы.

В ее бирюзовых глазах что-то мелькнуло. Узнавание? Доля секунды. Она знала. Но маска невинности тут же вернулась на место.

— Ой, правда? — Она прижала ладонь к груди. — Какой кошмар! Прости, пожалуйста! Я правда не знала! Хотела показать красивое место, чтобы вы расслабились. Я не хотела подставлять, честно-честно!

В ее «честно-честно» было столько же правды, сколько в пластиковых цветах на столиках. Она играла грязно. Зачем?

— Эй, девчонки! — голос Дакоты прозвучал так обыденно, что напряжение испарилось. Она возникла рядом с подносом грязных чашек. — Лия! Пришла проверить, не посадили ли нас?

— Привет, Дакота! Я в шоке! Клянусь, я не знала, что озеро уже принадлежит им. На этот раз она выглядела честно, и я запуталась.

— Да ладно. — Дакота махнула рукой. — Зато какой адреналин! И тот красавчик... М-м-м. Если бы нас арестовал он, я бы не сопротивлялась.

Дакота пыталась шутить, но я видела, как цепко она следит за Лией.

Та хихикнула, глядя на меня с мольбой о прощении.

— Это выглядело как подстава. — Я не сводила глаз.

— Прости, прошу! Я хотела как лучше.

И Лия тут же ухватила за новую тему.

— А что за парень? Симпатичный?

— О, не то слово, — подтвердила Дакота. — Мрачный, загадочный. Арден.

Улыбка девушки застыла.

— Арден? — переспросила она с неподдельным удивлением. — Арден Делагарди?

Мы с Дакотой переглянулись. Фамилия прозвучала как гром.

— Ты его знаешь? — я подалась вперед.

— Ну... он известен в городе. Я правда удивлена, что вы наткнулись именно на него. Простите еще раз.

Она виновато вскинула брови, заказала смузи и упорхнула за столик. Я проводила ее взглядом. В мягком свете, падавшем на нее, девушка казалась такой правильной, красивой, и от этого становилось жутко.

— Заказ на пятый столик! — рявкнула Вайолет.

Я вернулась к работе, но тревога только усилилась.

Время текло с издевательской медлительностью. Поток клиентов то превращался в цунами, то спадал. Ближе к обеду воцарилось затишье. Жара загнала людей под кондиционеры.

Я стояла у раковины, протирая бокалы. Монотонность успокаивала. Лоэрт, библиотека, сон.

— Ты пропустила пятно.

Голос был тихим.

Я резко обернулась. Вайолет.

— Что? — переспросила я, выискивая глазами свой промах.

Она смотрела куда-то сквозь, за мое плечо. Но там была лишь стена.

— Ты светишься.

Замерев с полотенцем, я переспросила:

— Что?

Вайолет перевела взгляд на меня. Ее миндалевидные, с азиатским разрезом глаза смотрели точно на мой лоб. Зрачки были расширены до предела, почти закрывали радужку, превращая глаза в две черные бездны.

— Ты светишься, — повторила она, будто констатировала факт. — Очень ярко. Это привлекает их.

Глава 11

— Кого — их? — Я нахмурилась, захотелось вымыть уши с мылом после ее тона. Еще одна сумасшедшая? Кто-нибудь мне собирается сказать прямо хоть что-нибудь? Или это какое-то обязательное условие проживания в Гримфорде — говорить загадками?

— Разных, — она дернула плечом. — Тех, что питаются светом. И тех, что питаются тьмой. Они уже чувствуют запах.

— Слушай, — я бросила полотенце на стойку, — я не понимаю, о чем ты. Если у тебя проблемы, можем их обсудить, или скажи прямо, без этих тупых загадок.

Вайолет замерла. Ее взгляд остекленел окончательно, уставившись в одну точку за моей спиной, где висело меню. Пальцы, лежащие на стойке, начали мелко дрожать, выбивая по дереву нервную аритмичную дробь.

Это выглядело жутко. Словно ее выключили из розетки, а потом включили снова.

— Вайолет? — позвала я осторожно, делая шаг назад.

Она не реагировала. Ее лицо оставалось маской, но губы начали беззвучно шевелиться. Вайолет повторяла какой-то текст, который слышала только она. Я наклонилась ближе, сама не зная зачем пытаюсь разобрать слова.

Схватила ее за руку, забыв об осторожности. Кожа была сухой и шершавой.

— Очнись!

Вайолет моргнула. Один раз. Наваждение спало так же внезапно, как и появилось. Зрачки сузились, взгляд стал осмысленным, хоть и бесконечно усталым. Она посмотрела на мою руку, сжимающую ее запястье, потом на лицо.

— Мне нужно работать, — сказала она ровным голосом, выдергивая руку. — И тебе тоже. Пятно все еще там.

Она развернулась и привидением ушла в подсобку. Я осталась стоять с открытым ртом.

Могло ли мне это показаться, как черные полосы на асфальте? Но не показалось — это было на самом деле. Реальность грозила рухнуть.

Я потеряла бедро.

— Эй, Земля вызывает Мирну! — Дакота щелкнула пальцами у меня перед носом.

Я вздрогнула.

— Ты чего зависла? Клиент ждет счет уже пять минут. Я зову, а ты как статуя.

Я схватила ее за локоть, сжимая ткань футболки.

— Ди, — прошептала я, оглядываясь на подсобку, — я будто схожу с ума.

Дакота проследила за взглядом и пожала плечами.

— Что случилось?

— Я не знаю, вообще ни черта не понимаю, — снова почесала бедро.

Дакота нахмурилась.

— Что у тебя с ногой?

Я опустила взгляд. Ладонь жила своей жизнью, снова и снова растирая джинсовую ткань в одном месте.

— Не знаю. — Я отдернула руку. — Ноет.

— Идем, — Дакота схватила меня за запястье. Хватка у нее оказалась железная.

Она потащила меня через зал, лавируя между столиками, к служебной уборной. Затолкнула внутрь, в тесное пространство, пахнущее хлоркой и дешевым освежителем, решительно щелкнула шпингалетом.

— Снимай штаны, — скомандовала она, скрестив руки на груди и прислонившись к двери.

— Что? — я опешила, прижимаясь поясницей к ледяной раковине. — Ди, ты чего?

— Давай-давай, не ломайся, — она нетерпеливо махнула рукой. — Ты весь день это место чешешь и прихрамываешь. Показывай.

Спорить с Дакотой было бесполезно. Я вздохнула, расстегнула ремень и, морщась от трения жесткой ткани о кожу, приспустила джинсы.

В тесной кабинке повисла тишина.

— Боже... — выдохнула Дакота, голос дрогнул. — Что это?

Я посмотрела вниз. К горлу подкатила тошнота.

На внешней стороне бедра, там, где во сне я ударились о невидимый пол, расцветал кошмар. Гигантская, уродливая гематома размером с блюдо. Кожа налилась черно-фиолетовым, с багровыми прожилками лопнувших сосудов, а в центре пятно было почти черным.

— Ты... ты тоже его видишь? — спросила я шепотом, боясь услышать «нет». Все еще казалось, что я сплю, что это очередная галлюцинация.

— Конечно, вижу! — Дакота присела на корточки, в шоке глядя на мою ногу. — Это же синяк на полноти! Мирна, как ты так умудрилась?

— Нет, — я покачала головой, меня била мелкая дрожь. — Я упала во сне, Ди. Понимаешь? Во сне.

Дакота уставилась на меня с испуганным недоверием.

— Мир, так не бывает. Сны не оставляют синяков. Это физически невозможно.

— Я больше нигде не ударялась! — голос сорвался, и я прикусила губу. — Ди, я проснулась с этой болью. Не падала ни вчера, ни сегодня.

Дакота молчала, глядя на фиолетовое пятно, которое пульсировало в такт моему сердцу. Аргументы разума разбивались об эту страшную физическую улику.

Я поспешно натянула джинсы обратно, стараясь не задеть больное место.

— Это реально... Все это реально.

Дакота смотрела на меня, и я видела, как в ее голове крутились шестеренки, пытаюсь состыковать нестыкуемое: мою адекватность, законы физики и этот жуткий синяк.

— Ладно, — наконец произнесла она. — Допустим. Просто... допустим. Но также ты можешь и не помнить.

Она подошла к раковине, включила холодную воду и плеснула себе в лицо.

— Мы разберемся с этим. — С ее ресниц стекали капли. — Вечером. Дома. Купим мазь, лед, святую воду, что там еще нужно... А лучше отправим тебя к врачу. А сейчас нам надо вернуться в зал, пока Вайолет не решила, что мы тут устроили ритуальное жертвоприношение.

Я согласилась, и по коже разлилась благодарность. Дакота не поверила мне до конца — это было бы слишком даже для нее, — но она и не отмахнулась.

— Ты как, идти можешь?

Дакота протерла лицо бумажным полотенцем.

— Могу, — я сделала пробный шаг. Бедро отозвалось ноющей болью. — Жить буду.

— Вот и отлично! Кофе сам себя не продаст, а чаевые сами себя не заработают.

Она щелкнула шпингалетом и распахнула дверь, впуская нас обратно в шумный, пахнущий выпечкой мир, где синяки появлялись только от ударов об углы, а сны оставались просто снами.

Город затягивал, как болото. Все вокруг сводило с ума. Я вспоминала удар в нос, камень, прилетевший в ногу, головокружение. Черт, люди именно так сходят с ума? Я посмотрела на ладони. Не светились. Обычная кожа, короткие ногти. Тогда что со мной не так?

Солнце клонилось к закату, но жара сгущалась, превращая воздух в горячий кисель. Кондиционер жалобно гудел, окончательно сдавшись и гоняя по кругу запах пережаренного кофе.

Я была выжата как лимон. Нога пульсировала горячей болью, отдавая тиком в поясницу. Каждый шаг напоминал о золотых чернилах.

Вайолет исчезла в подсобке час назад, оставив нас на растерзание потоку.

Колокольчик прозвенел снова. Я машинально подняла голову, готовясь дежурно улыбнуться и спросить: «Здесь или с собой?», но слова застряли в горле.

В кафе вошел Арден.

Его появление было похоже на внезапный сквозняк из открытого окна. На фоне потных, покрасневших людей в мятых рубашках он выглядел возмутительно, неестественно свежим.

На нем была белая футболка, туго облегающая широкие плечи, и темные джинсы. Ни капли пота на висках, ни тени усталости в осанке. Он двигался бесшумно, как если бы не касался пола. Толпа у входа инстинктивно расступалась перед ним, освобождая дорогу. Вокруг него существовала собственная климатическая зона — прохладная и стерильная.

В груди что-то дернулось, а следом пульс ударил в уши глухим набатом.

Тише... Спокойно... С чего вдруг такая реакция?

Арден направился к стойке, не отрывая от меня серебристо-голубых глаз. Он подошел вплотную, но нас все еще разделяла столешница. Хотя мне казалось, что он стоит неприлично близко. В воздухе сразу запахло его парфюмом с нотками океанского бриза.

— Добрый вечер, — произнес он. Его голос был все таким же низким.

Я сглотнула, пытаясь вернуть себе профессиональное самообладание.

— Добрый, — ответила я. Мой голос прозвучал хрипло, и я мысленно прокляла себя за это. — Что будете заказывать?

Арден чуть склонил голову. Его взгляд скользнул по моему лицу, задержался на бейджике, потом опустился ниже, словно он мог видеть сквозь стойку, как я переминаюсь с больной ноги на здоровую.

— Воды, — сказал он. — Со льдом. Много льда.

Я кивнула и развернулась к холодильнику, радуясь возможности хоть на секунду разорвать этот гипнотический зрительный контакт. Но облегчения это не принесло. Наоборот, стоило мне повернуться к нему спиной, как ощущение чужого взгляда стало почти осязаемым. Я чувствовала его затылком, лопатками, каждым позвонком. Он касался меня на расстоянии, изучая, оценивая, пробуя на вкус мое смущение.

Я двигалась медленно и осторожно, чтобы не выдать своего состояния. Достала запотевшую бутылку минералки, взяла высокий прозрачный стакан. Щипцами бросила туда несколько кубиков льда — один, два, три... Затем вода. Жидкость с шипением устремилась в стакан, оmyвая лед. И вдруг — резкий, тонкий звук.

Прямо у меня в руках без всякой видимой причины толстое стекло стакана покрылось сетью мелких трещин. Секунда — и он развалился на части. Ледяная вода хлынула мне на руки, на фартук, заливая стойку, осколки со звоном посыпались на металлический поддон.

Я замерла, глядя на этот хаос. Вода капала с моих пальцев, принося хоть какую-то прохладу в этот жаркий день.

— Черт... — выдохнула я, чувствуя, как лицо заливается краской.

Ну конечно, именно сейчас. Перед ним. Когда еще мне было превратиться в неуклюжую катастрофу?

Я медленно, боясь поднять глаза, повернулась к Ардену, ожидая увидеть на его лице брезгливость или, еще хуже, — насмешку. Но он искренне улыбался. В уголках его глаз собрались лучики морщинок, моя неловкость явно позабавила его.

— Бывает, — мягко произнес он. — Много льда. Физика — бессердечная наука.

Я попыталась выдавить из себя ответную улыбку, но губы не слушались. Получилась какая-то жалкая, кривая гримаса.

— Простите, я сейчас... — начала я, хватаясь за тряпку, чтобы убрать этот потоп.

Но не успела.

— Отойди.

Вайолет бесцеремонно, почти грубо оттеснила меня плечом, заставив отступить на шаг. Когда она превратилась в это невежество? При первом знакомстве она выглядела милой.

— Я сама, — бросила она, не глядя на меня.

Вайолет ловко смахнула осколки в мусорное ведро, одним движением протерла лужу на стойке и тут же поставила перед Арденом новый целый стакан с водой.

Арден смотрел ей вслед, и его улыбка погасла, сменившись задумчивым взглядом.

— Не переживай, Мирна, — сказал он, беря новый стакан. — Посуда бьется к переменам.

— К счастью, — неуместно исправила я. — Так говорят.

Арден смотрел на меня не мигая.

— Надеюсь, вчерашнее купание не принесло проблем? — его пальцы были длинными и изящными, и я невольно вспомнила руку из сна, пишущую золотом.

Вопрос прозвучал вежливо, почти светски, но я уловила в нем скрытый подтекст.

— Только моральные. Мы не знали, что озеро... приватизировано.

Уголок его губ дрогнул в намеке на улыбку.

— «Приватизировано» — грубое слово. Скажем так: оно находится под опекой. Моя семья ценит уединение.

— Мы заметили, — я не удержалась от колкости. Меня бесила эта боль в ноге, этот ночной бред, этот город, который играл со мной в кошки-мышки.

Арден сделал глоток воды, не сводя с меня глаз. Лед в его стакане тихо звякнул.

— Я хотел загладить вину за... некоторую негостеприимность. Моя реакция была, возможно, излишне резкой.

Я удивленно приподняла бровь. Извинение?

— Вы не обязаны. Мы сами виноваты.

— Мы можем перейти на «ты». — Он барабанил пальцами по запотевшему стеклу.

Я кивнула, принимая предложение, хотя, уверена, ему это и не было нужно.

— И все же я не люблю оставлять о себе дурное впечатление.

Он сделал паузу, взвешивая следующие слова.

— В эту субботу в городской оранжерее будет проходить Вечер Цветов, — он произнес это с легкой иронией. — Редкие виды, ночное цветение, шампанское... Это закрытое мероприятие. Моя семья — одна из организаторов.

Я молчала.

— Это довольно... утомительное событие, — продолжил он, и в его глазах мелькнули смешинки. — Много официоза, много пустых разговоров.

Он посмотрел на меня прямо.

— Составишь мне компанию?

Мир вокруг на секунду замер. Где-то на фоне Дакота уронила ложку, шипел пар из капучинатора, но весь этот шум разом померк.

Арден Делагарди приглашал меня на свидание? Хотя по его тону было очевидно, что это скорее развлечение, чем знак внимания.

Первым инстинктивным порывом было отказаться. Внутри шевельнулось странное чувство вины — иррациональное, но колкое. Все это будто неправильно по отношению к Стивену, с которым у нас вроде и нет отношений, а вроде бы что-то есть. Было бы легче, если бы я сама напросилась, но теперь это имело другой подтекст.

Я хочу узнать, что написано в письме, хочу понять, что происходит со мной, и мне нужно подобраться к ним ближе. И вот он, шанс, сам идет мне в руки, предлагая бокал шампанского и прогулку среди цветов.

Это безумие.

Я посмотрела на Ардена.

— Я не очень разбираюсь в цветах.

Не соглашаться же сразу, подумает еще чего лишнего.

— О, это необязательно. Достаточно кивать и делать вид, что ты отличаешь орхидею от фикуса. Ко всему, моя семья выводит новый сорт цветов, это будет даже интересно.

Я закусила губу. Идти одной было нельзя. Я нашла взглядом Дакоту. Та стояла у дальнего столика, принимая заказ, но я видела, что она косится в нашу сторону.

— Ладно, я приду, — решила я, возвращая взгляд к Ардену. — Но с одним условием.

— Каким же? — он заинтересованно приподнял бровь.

— Я приду с подругой.

Это была моя страховка. Если он откажется — значит, у него есть конкретные планы именно на меня и тогда точно нельзя идти. Если согласится — значит, ему действительно скучно, или он настолько уверен в себе, что ему все равно.

Арден проследил за моим взглядом, посмотрел на Дакоту, которая в этот момент громко рассмеялась над шуткой клиента, и снова повернулся ко мне. Он оценил мой ход.

— Разумная осторожность, — кивнул он. — Подруга так подруга. Вдвоем вам будет проще обороняться от скуки.

Он достал из кармана джинсов купюру и положил ее на стойку рядом со стаканом.

— Сдачи не надо. Суббота, пять вечера, — добавил он, уже отворачиваясь. — Я оставлю ваши имена в списке гостей на входе. Мирна и... Дакота, верно?

— Верно. Дакота Блу и Мирна Эванз.

— До встречи, Мирна.

Он развернулся и пошел к выходу так же плавно и бесшумно, как и вошел. Дверь за ним закрылась, и в кафе стало еще жарче.

— Ты что, только что продала душу дьяволу? — раздался голос Дакоты прямо у меня над ухом.

Я повернула голову. Дакота смотрела вслед уходящему Ардену, и на ее лице смешались искренний восторг и неподдельный ужас.

— Хуже, — прошептала я, глядя на стакан с водой, в котором медленно таял лед. — Я согласилась пойти с ним на вечеринку.

— Ты шутишь? — глаза Дакоты округлились. — С ним? С Делагарди?

— Да. В эту субботу. В оранжерею.

— Офигеть... — выдохнула она. — Мирна, ты понимаешь, что это...

— Опасно? Знаю.

— Я хотела сказать «круто», но «опасно» тоже подходит, — Дакота серьезно на меня посмотрела.

— Это замечательно, но очень странно, — я понизила голос, оглядываясь, чтобы никто не услышал. — Мне нужно в их круг, и вот его величество Арден уже здесь.

Лицо Дакоты озарила хищная улыбка.

— Я сказала, что приду с тобой, — добавила я виновато.

— Еще бы ты пошла без меня! — фыркнула она. — Я бы тебе этого не простила. Пропустить вечеринку странной семьи? Да ни за что.

Она поправила фартук.

— Ну что ж. Тогда нам понадобятся платья. И, возможно, электрошокер.

Дакота хлопнула меня по плечу, но я видела, что ее веселье напускное. Она тоже наверняка боялась.

Я посмотрела на стакан Ардена. Лед растаял.

Глава 12

Домой мы с Дакотой ползли как две контуженные улитки. Ноги гудели, спина ныла. Меня крутило от нетерпения втереться в доверие и узнать все, что нужно. Забрать у них книги по хелиону и ночами вычитывать каждое слово.

Стоило мне переступить порог, как я, даже не раздеваясь, рухнула на диван лицом в подушку. Прихватила пару писем мамы и прочла их вслух дважды. И вновь зацепилась за подпись хелионского письма. Кто же ты такой, Марцелл Хелионик? Почему твоего языка нет в интернете? Почему тебя там нет? Как с этим связана мама? Может, все это секта и кто-то подливает мне галлюциногены? Пока я кружила вокруг догадок, реальность померкла, уступая место сну.

Я проснулась от настойчивой вибрации телефона, жужжавшего где-то в районе поясницы. За окном сгустились сумерки, окрасив комнату в тревожные сиреневые тона. С трудом разлепила глаза. Во рту пересохло, язык казался наждачной бумагой. Выудив телефон из-под себя, я сощурилась. Экран резанул по глазам. Светилось: «15 пропущенных от: Стивен». И еще десяток сообщений в мессенджере.

Я села, разминая затекшую шею, сбрасывая оцепенение. Нажала на вызов.

— Мирна? — голос звучал взволнованно. — Господи, наконец-то! Ты почему не отвечала?

— Привет, Стив, — прохрипела я. — Прости. Первый рабочий день. Я вырубилась, как только пришла.

— Я ужасно испугался. Как дела? Узнала что-нибудь про мать?

— Да нет, пока пусто, — соврала я. Не стоило грузить его догадками.

— Я скучаю, — признался Стив. — Хотел бы приехать, но никак не получается. Как назло, все идет не по плану.

Он скучал? Что это значило? Пора выяснить.

— Да, я тоже, — я скучала по нашим дружным посиделкам. — Я бы хотела поговорить...

— Видела новости? — перебил Стивен. — У нас тут ад. Два землетрясения, соседние штаты затопило, еще и пожары в нашем районе. Склады сгорели дотла.

— Что? — я вскочила. — У нас же не сейсмическая зона.

— Именно. Тут черт-те что творится. Но самое паршивое... — он внезапно замолчал. — Мама пострадала.

— О боже, Стив! — я затеребила край одежды. — Как она?

— Упала во время толчка. На нее шкаф с книгами завалился. Два перелома, сильные ушибы. Я не могу ее сейчас оставить одну, понимаешь?

— Конечно. Стив, даже не думай. Будь с ней.

Все это не укладывалось в голову. Столько всего после моего отъезда. Чертова паранойя.

— Я приеду, как только смогу, — пообещал он. — Как только все уляжется. Я скучаю, Мирна. Безумно.

Мой откровенный разговор пришлось отложить. Бессмысленно спрашивать о нас, когда его голова забита совершенно другим.

— Я тоже, — ответила я, и на этот раз это была правда. Я скучала по нормальности, которая у нас начала завязываться. Серебристо-голубые глаза впивались в мои черты. Стоп. У Стивена не такие глаза. Я слушала его голос, но перед глазами стоял другой образ. Почему, вспоминая Стива, я видела другие глаза? Господи, Арден. Интересно, Арден выше Стивена? Наверное, нет, одинаково. Это чувство защищенности, которое дарил Стивен, я должна была ценить. Любая нормальная девушка вцепилась бы в него обеими руками.

— ...ты меня слышишь? — голос Стивена захрипел. — Связь прерывается.

Я тряхнула головой, смахивая эти гадкие мысли. Что за школьная сравнительная характеристика в моей голове?

— Да, я тут.

Стивен сменил тему, пытаясь отвлечься. Он рассказывал про Оливию, которая собиралась замуж. Там, у Стивена, жизнь шла своим чередом. А здесь, в моей реальности, стаканы лопались от взгляда, а синяки появлялись из снов.

Я угукнула. Как все эти новости связаны? Потерла бедро. И этот синяк... я что-то упускаю. Но что? Галлюцинации начались со смерти мамы, потом секреты и Гримфорд.

— Ладно, вижу, ты занята, — вздохнул он. — Пиши, не забывай.

Мы попрощались, и я еще минуту сидела, глядя на погасший экран. Затем открыла новостную ленту. Извержение вулкана, землетрясения в нескольких странах сразу, потопы, пожары. Пол качнулся. Я проверила дату каждого происшествия — никаких особенностей. Все в разное время.

Телефон пискнул. Сообщение от Лоя.

«Автобус задержали. Буду на следующей неделе. Мирн, я тебя умоляю: никуда не лезь. Не ищи ответы, пока я не приеду».

Мышцы горла окаменели. Я перечитала сообщение дважды.

«Не ищи ответы».

Он точно что-то знал. И этот его тон... И снова эти загадки. Почему он не может написать: «Мирна, Делагарди опасны, потому что...»? Я знаю Лоя сотню лет, что за черт?

Стивен говорил про землетрясение. Лой — про автобус. Может, природа не пускает их в Гримфорд? Или, наоборот, хочет запереть нас здесь одних?

«Говори прямо, или можешь не приезжать», — ответила я, кинув телефон на подушку. Кольцо сжималось. И я находилась в самом его центре.

Лой ответил через минуту: «Что с настроением?»

Серьезно?

Я набрала его — автоответчик: «Перезвоните позже, я занят».

Пальцы летали по клавиатуре, выбивая гневные строчки: «Хорошо, игноришь. Почему «не лезь»? Расскажи мне, что ты знаешь!»

«Я ничего не знаю, Мир... Я беспокоюсь. Что с тобой?»

Врет? Неужели я правда схожу с ума? Дакота права, нужно показаться психологу. Подозревать Лоя — это как подозревать собственную руку в попытке меня задушить. Может, у меня ПТСР после смерти мамы? Отложенный шок?

Нырнув под одеяло, я ворочалась, сбивая простыню в ком.

Галлюцинации, паранойя, психосоматические боли... Я ввела в телефоне «*поликлиника Гримфорда*». Нашла в интернете сайт клиники и записалась онлайн на прием к психотерапевту. Попробую.

Только закрыла глаза, и силуэт обнаженного парня прорезал темноту.

Вторник пролетел незаметно, смывая границу реальности и сна. Вайолет появилась только к концу смены, проверила, как дела в кафе, и уехала раньше времени. Поговорить не удалось. Дакота и я развалились валетом на диване. Голова гудела от догадок и поиска способов решения.

Телефон на столе вдруг ожил, разорвав тишину веселой мелодией.

Лия.

Я поколебалась, но ответила. Дакота слезла с дивана в вечернюю медитацию.

— Мирна! — голос Лии звенел энтузиазмом. — Слушай, я не могу так. Я чувствую себя ужасно из-за этого озера. Я правда не хотела вас подставить!

— Лия, все нормально, мы уже... — начала я, но она перебила.

— Нет, не нормально! Я хочу загладить вину. Давай сходим в «Грот»? Это бар в старой лощине, там очень круто. Я угощаю! Бери Дакоту. Отказы не принимаются.

Стоило голове коснуться подушки, как сознание содрогалось нервной рябью. К черту. Спать я все равно не смогу. Прогулка выветрит этот бред из головы.

— Ладно. Дай нам полчаса.

Я нажала отбой и, морщась от нытья бедра, села. Дакота уже раскинулась в позе лотоса и пыталась медитировать под какой-то странный гул из динамика телефона.

— Ди, — позвала я.

Она открыла один глаз.

— Звонила Лия. Зовет в бар. «Грот». Говорит, хочет извиниться за озеро и угощает.

Второй глаз Дакоты открылся мгновенно. Она выпрямилась, и вся ее «дзен-поза» исчезла.

— Бар? Дай мне пять минут, — она вскочила, отшвырнув подушку для медитации. — Нет, три.

Она металась по комнате, примеряя яркие наряды.

— Ты записалась к доктору? — спросила она на ходу, выкидывая из шкафа шорты.

— Так точно.

Я надела черные джинсы — плотная ткань надежно скрывала синяк — и свободную футболку без принта. Дакота же влезла в свое короткое платье и накинула сверху кожанку.

— Ты идешь в этом? — скривилась она, глядя на меня.

— Ну да.

Мы домчались до нужного места за десять минут. За окном проносились темные, вымершие улицы, и лишь изредка в глаза бросался герб Делагарди. Нужно будет спросить у Ардена его смысл. Если я выдержу его напористый взгляд, конечно.

Машина затормозила у края глубокой городской лощины — естественного разлома, который разрезал Гримфорд пополам. Вдоль и вокруг стояли маленькие деревянные дома, в нескольких горел свет, остальные же спали.

Мы вышли, и лицо обдало пряным ночным ветром. Внизу, на дне лощины, среди нагромождения камней и пней старых деревьев, пульсировал красноватый свет. Это выглядело как спуск в преисподнюю.

— Атмосферненько, — оценила Дакота, поправляя куртку.

— Лой бы заценил, — отметила я, стараясь не вспоминать свои подозрения о нем.

Мы начали спуск по узкой выбитой в земле тропинке.

«Грот» оправдывал свое название. Это была настоящая небольшая пещера, вход в которую был завешен тяжелыми портьерами. Внутри стоял полумрак, который разбавляли только неоновые трубки, спрятанные в нишах стен. Дышать приходилось густым кальянным дымом.

Народу было много, но из-за сложной геометрии «Грота» казалось, что все прячутся по углам.

Лию мы нашли в глубине зала, за низким столиком, выдолбленным прямо из искусственного сталагмита. Она махала нам рукой, и в свете фиолетового неона ее платье в полоску было почти белым.

— Вы пришли! — Она вскочила нам навстречу, едва мы подошли. На столе уже стояли три бокала с чем-то дымящимся. — Я боялась, что вы меня пошлете.

— Мы были близки к этому, — честно призналась Дакота, плюхаясь на мягкий диван. — Но слово «угощаю» имеет магическую силу.

Лия виновато улыбнулась и подвинула нам меню.

— Я серьезно, девчонки. Простите меня. Я чувствую себя полной идиоткой. Я села напротив, стараясь устроить ногу поудобнее.

— Забыли, — сказала я, беря бокал. Жидкость внутри была голубой и пахла мятой.

— Клянусь, я сама от вас узнала. Я здесь всю жизнь, но в Гримфорде правила меняются быстрее, чем погода. В прошлом году на Скорвиксе купались все. Никаких заборов, никакой охраны. Видимо, они решили прибрать его к рукам совсем недавно.

— Они могут просто так взять и закрыть общественное место? — удивилась Дакота, делая осторожный глоток. — М-м-м, вкусно. Что это?

— «Счастье девы», — ответила Лия. — И да, Делагарди могут все. Этот город принадлежит им по праву рождения. Типа, их предки заложили первый камень... и все такое. Но Арден... — она понизила голос. — Он еще ничего. По сравнению с другими братьями.

— Другими? — спросила я, стараясь звучать безразлично.

— Да. Они редко вообще появляются в городе, часто на своих закрытых тусах сидят.

— Ладно, к черту их. Мы пришли расслабляться. — Дакота беспечно махнула рукой.

Я открыла рот, пытаясь задать еще вопрос про Ардена, но Дакота подняла бокал, и мне пришлось замолчать. Мы чокнулись. Коктейль оказался крепким, он сразу ударил в голову, размывая тревогу. Разговор потек свободнее. Лия рассказывала про местных фриков, жаловалась на скуку в колледже и расспрашивала нас про жизнь до переезда. Моя паранойя сыграла со мной злую шутку. Лия была обычной девчонкой, которая хотела найти друзей.

— Я сейчас. — Дакота, быстро расправившись со своим коктейлем, подмигнула нам. — Пойду добуду еще этой штуки. И, может быть, номер телефона того бармена.

Она упорхнула к стойке, покачивая бедрами.

— Прикольное название «Грот», — начала я, решив воспользоваться моментом. — Еще это «Тéпа», или как там. Что это вообще такое?

— Это «Отдых Ворона» вроде с хелиона, — она слегка смазывала окончания. — Красиво, да?

— Хелион? Откуда ты знаешь?

Лия пожала плечами, отводя взгляд.

— Ну... бабушка рассказывала. В детстве. Она знала много сказок, легенд. Говорила, что раньше здесь разговаривали на другом языке.

— Твоя бабушка... знает язык? — уточнила я.

— Ну-у, она его упоминала, но вряд ли знает. Вообще вторая бабушка тоже о нем рассказывала, но она уже умерла. А вот бабушка Сьюзи только упоминала.

Сьюзи? Сьюзи Аллен? Дед говорил про Сьюзи. Кожу стянуло, будто она стала мне мала.

— Может читать, переводить? — я подалась вперед.

Лицо Лии на мгновение омрачилось, на него набежала тень.

— Раньше могла, наверное. Сейчас... ей нездоровится, Мирна. Возраст. Деменция подступает. Она путает дни, забывает слова.

— Мне очень нужно с ней поговорить, — настояла я. — Хотя бы попробовать. Это важно. Лия посмотрела на меня с сомнением.

— Зачем тебе это? Ты лингвист?

— Типа того, — соврала я. — Семейный интерес. Пожалуйста, Лия.

Она помолчала, разглядывая лед в своем бокале.

— Ладно. Можешь зайти завтра как-нибудь. Но я ничего не обещаю. И... — она замялась. — И я бы лучше с Сиерой поговорила, ты же работаешь у нее, спросишь про название кафе.

— Сиера знает хелион?

— Она из Делагарди, хелион это типа от них язык. Но она не живет с семьей. Они вроде враждуют. Но почему ты не спросишь у Ардена?

— Мы не знакомы толком.

— А с Сиерой знакома? — Лия расплылась в улыбке.

— Ну... — Аргументы кончились. С Сиерой было бы проще поделиться, чем с Арденом, тем более что она не ладит с семьей.

— А что, если ее навестить? А то ее последнее время нет в кафе. — Я наклонилась к Лие, чтобы лучше слышать.

Она свела брови.

— Она очень далеко живет, на отшибе...

— Думаю, Сиера будет лучше знать, ведь так?

— Это связано с твоей мамой, да? — догадалась она.

— Да, отчасти.

Врать было уже бессмысленно. Никому не станет хуже, если я этим поинтересуюсь, фото показывать не буду, только спрошу. У нее должны быть книги или хоть что-то.

— Ну попробуй тогда, могу составить тебе компанию, покажу, где живет, — предложила она.

Со стороны бара донесся шум: звук разбитого стекла и громкий, пьяный смех.

Я резко обернулась.

Возле барной стойки, зажав Дакоту в угол, стоял лысый мужчина в кожаной жилетке, пошатываясь. Его лицо было красным и потным. Он размахивал рукой над головой Дакоты.

— Эй! — я дернулась встать, но нога отозвалась искрой боли, заставив меня охнуть.

Лия вскочила быстрее. Она вылетела из-за стола, с грохотом задев край столешницы. Решительно шагнула мужчине навстречу и громко хлопнула его по спине. Тот пошатнулся, попутно отпихнув Дакоту, но Лия уже рывкнула ему что-то в лицо. И сразу же впечатала кулак в его нос.

Ладонь сама взлетела ко рту, сдерживая крик. Вокруг разнеслись голоса.

Здоровяк рухнул на колени, не удержав равновесие. Он что-то невнятно прохрипел и закрыл нос руками. Лия отряхнула руки, поправила лямку своего облегающего платья и повернулась к Дакоте.

— Ты как? Цела? — спросила она совершенно спокойным голосом.

Дакота стояла, прижавшись спиной к стойке, и смотрела на меня остекленевшим немигающим взглядом.

— Охренеть... — выдохнула она. — Ты... ты так...

— Уходим. Быстро. — Лия криво усмехнулась, но ее пальцы слегка дрожали.

Она схватила меня и Дакоту за руки, и я вскрикнула из-за резкого подъема. Нога отозвалась тупой болью, но Лия, не сбавляя шага, уже тащила нас к выходу.

— Куда? — кричала я.

Голову разрезало жаром. Я обернулась — позади на нас пер пьяный, красный от загара мужик. Рука Лии выскользнула из моей. Я нащупала на горящем затылке что-то мокрое. Взглянула на пальцы.

— Боже, это кровь...

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.